

СТИВЕН КИНГ

Билли Саммерс

Стивен Кинг

Билли Саммерс

Серия «Темная башня (АСТ)»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67303161

Билли Саммерс: Издательство АСТ; М.; 2022

ISBN 978-5-17-138788-4

Аннотация

Билли Саммерс – профессиональный киллер с жестким моральным кодексом: он принимает заказы только на действительно «плохих парней». Но ему, бывшему морпеху, это занятие не по душе, и однажды он решает отойти от дел, чтобы начать новую жизнь. Перед этим Билли предстоит выполнить еще один заказ, который обеспечит ему безбедное существование.

Его чутье и опыт подсказывают: в этом деле что-то не так и оно не такое простое, как кажется на первый взгляд.

Однако на кону стоят слишком большие деньги.

И Билли отправляется в тихий провинциальный городок Ред-Блафф и начинает тщательную подготовку к своему последнему выстрелу.

Последнему ли?..

Больше интересных фактов об этой книге читайте в [ЛитРес: Журнале](#)

Содержание

Глава 1	6
1	6
2	9
3	12
4	21
5	22
6	24
Глава 2	28
1	28
2	34
3	36
4	48
Глава 3	51
1	51
2	54
3	56
4	59
5	62
6	72
7	75
8	78
Глава 4	81
1	81

2	86
3	91
4	94
5	98
6	100
7	106
Глава 5	108
1	108
2	117
3	122
4	125
5	133
6	142
7	145
8	150
9	152
Глава 6	158
1	158
2	165
3	166
4	173
Глава 7	179
1	179
2	186
3	189
Конец ознакомительного фрагмента.	200

Стивен Кинг

Билли Саммерс

Думая о Реймонде и Саре Джейн Спрюс

*Был мертв и чудом стал живой.
О, благодать*

Stephen King
BILLY SUMMERS

© Stephen King, 2021

© Школа перевода В. Баканова, 2021

© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

Глава 1

1

Полдень пятницы. Билли Саммерс сидит в холле гостиницы и ждет, когда за ним заедут. В руках у Билли комикс-дайджест «Друзья и подружки Арчи», но думает он об Эмиле Золя и его третьем романе «Тереза Ракен», с которого началась литературная слава писателя. Он думает, что по книге сразу можно догадаться: автор еще молод. Думает, что Золя только открыл золотую жилу, которая на поверку окажется сказочно щедрой. Думает, что Золя был – и остается – эдаким Чарлзом Диккенсом из ночных кошмаров. Думает, что это хорошая тема для эссе. Правда, он никогда не писал эссе.

В две минуты первого дверь открывается, и входят двое: один высокий, черноволосый, с прической «помпадур», какие были в моде в 50-х, а второй – коротышка в очках. Оба в деловых костюмах. Все люди Ника носят костюмы. Билли знает, что высокий родом с запада и давно работает на Ника. Зовут его Фрэнк Макинтош, но из-за начеса коллеги за глаза называют его Фрэнки Элвисом или – поскольку сзади у него нарисовалась крошечная, сияющая на солнце проплешина – Солнечным Элвисом. Второго Билли видит впервые. Наверное, он из местных.

Макинтош протягивает руку. Билли встает и пожимает ее.

– Здорово, Билли, давно не виделись. Рад встрече.

– И я рад, Фрэнк.

– Это Поли Логан.

– Здравствуй, Поли. – Билли жмет руку коротышке.

– Приятно познакомиться, Билли.

Макинтош берет у него номер «Арчи».

– А ты все комиксы читаешь?

– Ну да, – отвечает Билли. – Нравятся они мне. Особенно смешные. Про супергероев тоже ничего, но эти я больше люблю.

Макинтош наспех пролистывает журнальчик и показывает что-то Поли Логану:

– Глянь на этих кисок. Я бы подрочил.

– Бетти и Вероника, – говорит Билли, забирая у него комикс. – Вероника – подружка Арчи, а Бетти нет, но очень хочет ею стать.

– Книги тоже читаешь? – спрашивает Логан.

– Бывает, читаю в дороге. Журналы еще. Но обычно комиксы.

– Славно, славно, – говорит Логан и подмигивает Макинтошу на глазах у Билли. Макинтош хмурится, но Билли не в обиде.

– Ну, готов?

– Ага.

Билли засовывает комикс в задний карман. Арчи и его фи-

гуристые подружки. Об этом тоже так и подмывает написать эссе. Об утешении, которое читатели находят в старых как мир прическах и идеях. О Ривердэйле¹ и об остановившемся там времени.

– Тогда в путь, – говорит Макинтош. – Ник ждет.

¹ Ривердэйл – тихий американский городок, где разворачивается действие комиксов об Арчи Эндрюсе и его друзьях. Сначала это были незамысловатые истории о подростках, позднее в них появились фантастические персонажи и стали происходить загадочные события. По мотивам комиксов снято несколько фильмов и сериалов («Ривердэйл», «Кэти Кин», «Сабрина – маленькая ведьма», «Леденящие душу приключения Сабрины» и т.д.). — *Здесь и далее примеч. пер.*

Машину ведет Макинтош. Логан говорит, что поедет сзади: мол, рост позволяет. Скорее всего Ник Маджарян поселился на западе – там находятся самые престижные районы города, – поскольку и дома, и в поездках привык жить на широкую ногу, а гостиниц он не любит. Однако едут они на северо-восток.

В двух милях от центра начинается район, где, по мнению Билли, должны обитать представители низшего среднего класса. Кварталы эти поприличнее трейлерного парка, в котором вырос он сам, но и фешенебельными их не назвать. Величественных особняков за коваными воротами здесь не найдешь, все застроено простенькими одноэтажными «ранчо». На клочках газона вертятся поливалки. Дома в основном ухоженные, однако некоторые давно пора покрасить, а лужайки перед ними заросли сорной травой. В одном доме разбитое окно закрыто куском картона. Перед другим на пластиковом стуле из магазина вроде «Костко» или «Сэмс клуб» сидит толстяк в майке и шортах-бермудах, потягивает пиво из банки и глазеет на прохожих. Какое-то время людям в Америке жилось неплохо, но скоро, возможно, все изменится. Билли повидал немало подобных районов. Они – своего рода барометр, и этот явно падает. Местные жители в большинстве своем работают от звонка до звонка.

Макинтош подъезжает к двухэтажному светло-желтому дому с плешивой лужайкой. Ник Маджарян здесь не остановился бы даже на пару дней. В таком доме должен жить какой-нибудь механик или служащий аэропорта: двое детей, жена, вырезающая из газет скидочные купоны, ежемесячные выплаты по ипотечному кредиту и боулинг с пивом по четвергам.

Логан выходит первым и открывает дверь для Билли. Тот выбирается из машины, положив комиксы на переднюю панель.

Макинтош поднимается на крыльцо, ведя остальных за собой. Хотя на улице жара, внутри прохладно: работает кондиционер. Ник Маджарян ждет их в коротком коридоре, ведущем в кухню. На Нике деловой костюм, который наверняка стоит как одна ежемесячная выплата за этот дом. Редущие волосы гладко прилизаны; «помпадур» – это не про него. Лицо круглое, с лас-вегасским загаром. Сам он крупный, даже тучный, но брюхо у него как камень. Он заключает Билли в объятия.

– Билли! – восклицает он и крепко целует его в обе щеки. – Билли, Билли, как я рад тебя видеть, дружище!

– И я рад, Ник. – Билли оглядывается по сторонам. – Обычно ты выбираешь жилье пошикарнее... – Он медлит. – Не в обиду будет сказано.

Ник смеется. К красивому, заразительному смеху прилагается улыбка на миллион долларов. Макинтош тоже хохот

чет, а Логан ухмыляется.

– Да нет, сам я поселился на Вест-Сайд. Ненадолго. Можно сказать, за домом присматриваю, пока хозяева в отъезде. Во дворе фонтан с голым мальчуганом, как там они называются...

Херувимы, думает Билли, но вслух ничего не говорит – просто улыбается.

– В общем, шкет мелкий водой ссыт. Ты все увидишь, все увидишь. Нет, этот дом не мой, Билли. Он твой. Будет твоим, если возьмешь заказ.

Ник проводит небольшую экскурсию.

– Все комнаты полностью меблированы, – говорит он, словно его задача – продать Билли дом. Отчасти так оно и есть.

На втором этаже расположились три спальни и две ваннные комнаты (вторая совсем маленькая, вероятно, для детей). На первом – кухня, гостиная и крошечная столовая, скорее закуток. Подвал представляет собой одну-единственную длинную комнату с ковролином на полу, большим телевизором в одном конце и столом для пинг-понга в другом. Под потолком – трековые светильники. Ник называет это помещение «игровой», и здесь-то они и устраиваются.

Макинтош спрашивает, не хотят ли они чего-нибудь выпить. Есть лимонад, пиво, содовая и чай с лимоном.

– Мне коктейль «Арнольд Палмер», – говорит Ник. – Чая и лимонада поровну. И побольше льда.

Билли просит то же самое. Пока Макинтош ходит за напитками, они ведут светскую беседу о погоде и о том, какая здесь, на крайнем юге, адская жара. Ник осведомляется, как прошла поездка. Хорошо, отвечает Билли, но ничего не говорит про то, откуда он прилетел, а Ник не спрашивает. Потом Ник говорит, мол, ну и паскуда этот Трамп, на что Билли соглашается. Больше им сказать друг другу нечего, но это не

беда, потому что Макинтош как раз приносит напитки: два высоких стакана на подносе. Когда он исчезает, Ник переходит к делу:

– Я с твоим Баки поболтал. Он говорит, ты мечтаешь уйти на покой.

– Подумываю. Я давно в деле. Слишком давно.

– Согласен. А сколько тебе, говоришь?

– Сорок четыре.

– И ты этим промышлял с тех пор, как форму снял?

– Примерно. – Нику, конечно, и так все это известно.

– Много на твоём счету?

Билли пожимает плечами:

– Точно не помню.

Семнадцать. Восемнадцать, если считать первого, с рукой в гипсе.

– Баки сказал, ты готов взять еще заказик, если оплата будет достойная.

Он ждет от Билли вопросов. Тот молчит, и Ник выкладывает все сам:

– В этот раз оплата более чем достойная. Если согласишься, всю жизнь проведешь где-нибудь в тепле, лежа в гамаке и попивая пина-коладу. – Он опять выдает широченную улыбку. – Два миллиона. Пятьсот тысяч авансом, остальное после.

Билли присвистывает, и это даже не спектакль. Впрочем, свое поведение он называет не спектаклем, а «тупым я», ко-

торое демонстрирует только ребятам вроде Ника, Фрэнка и Поли. Это как ремень безопасности. Многие им не пользуются, потому что не собираются попадать в аварии, но мало ли идиотов на дорогах? Неизвестно, кто выедет на твою полосу из-за холма. То же относится и к дороге жизни: люди на ней порой перестраиваются не пойми как, а то и прут по встрече на скоростной трассе.

– А чего так много? – Самый крутой заказ в его жизни стоил семьдесят тысяч. – Надеюсь, это не политик? Политиков я не беру.

– Ничего общего.

– Плохой человек?

Ник смеется, трясет головой и с нежностью глядит на Билли.

– У тебя всегда один вопрос.

Билли кивает.

Может, «тупое я» ему нужно для прикрытия, но вот это – чистая правда: он берется только за плохих. Это позволяет ему спать по ночам. Разумеется, работает он тоже на *плохих*, но тут как раз нет моральной дилеммы. Если плохие готовы платить, чтобы убивать плохих, – да на здоровье. Билли вроде мусорщика, только с винтовкой.

– Очень плохой.

– Ладно...

– И миллионы не мои. Я в этом деле всего лишь агент, получу комиссию. Не из твоих, мне сверху заплатят. – Ник по-

дается вперед, зажав ладони между ног. Лицо у него серьезное, и он смотрит Билли прямо в глаза. – Убрать надо профессионального стрелка вроде тебя. Только ему без разницы, хорошего или плохого человека ему заказали. Ради денег он на все готов. Пока будем звать его Джо. Шесть лет назад – а может, семь, не важно – Джо пришел пятнадцатилетнего парня, когда тот шел в школу. Был ли тот парень плохим человеком? Нет. Даже в медалисты метил. Но кое-кто захотел послать его отцу весточку. Вот паренек и стал этой весточкой, а Джо – вестником.

Интересно, так все и было? Возможно, и нет, история слишком смахивает на нравоучительную сказку, но почему-то кажется правдивой.

– Ты хочешь, чтобы я убил наемного убийцу, – произносит Билли так, будто пытается уложить все у себя в голове.

– В яблочко! Джо сейчас в Лос-Анджелесе, мотает срок в Центральной мужской исправительной колонии. Получил его за вооруженное нападение и попытку изнасилования. С попыткой изнасилования вообще умора – если ты не из активисток «Me Too», конечно. Он принял одну писательницу, приехавшую в Лос-Анджелес на конференцию – не просто писательницу, а феминистку, – за шлюху. Ну, подкатил к ней – грубовато, конечно, – а та ему перцовым баллончиком в глаза брызнула. Он разок двинул ей в зубы, челюсть вывихнул. Надо полагать, она благодаря этой истории продала кучу книжек. Ей следовало бы поблагодарить его, а не подавать в

суд, как считаешь?

Билли не отвечает.

– Да брось, Билли, сам подумай! Чуваку, который всю жизнь мочил народ – включая очень суровых парней, – задала перцу лесбуха-активистка? По-моему, обхохочешься!

Билли выдавливает дежурную улыбку.

– Лос-Анджелес – на другом конце страны.

– Да, но он был *здесь*, пока не уехал *туда*. Не знаю, чем занимался, и не хочу знать. В какой-то момент он начал искать, где можно поиграть в покер по-взрослому, и ему подсказали одно местечко. Видишь ли, наш друг Джо считает себя крупным игроком. Короче говоря, он проиграл кучу денег. Когда победитель в пять утра вывалился из заведения, Джо пустил ему пулю в живот и забрал не только свои, а вообще *все* деньги. Какой-то бедолага хотел его остановить – наверное, игрок из той же компании, – так Джо и его пристрелил.

– Обоих убили, что ли?

– Победитель умер в больнице, но успел рассказать полиции, кто его порешил. Второй парень выжил – и подтвердил показания убитого. Знаешь, что еще?

Билли помотал головой.

– Там были записи с камер наблюдения. Понял, куда ветер дует?

Разумеется, Билли понял.

– Не особо.

– В Калифорнии ему пришили статью за вооруженное на-

падение. Она никуда не денется. Обвинение в попытке изнасилования скорее всего снимут – он же не тащил эту бабу в подворотню, наоборот, даже *денег* предложил, а это домогательство. Окружному прокурору на домогательства плевать. Ну, впаяют ему дней девяносто от силы – с учетом тех, что он уже отсидел, – и все, свободен. Но *здесь-то* Джо человека убил, а к убийствам на этом берегу Миссисипи относятся очень серьезно.

Еще бы. В «красных штатах» мокрушников избавляют от страданий раз и навсегда. Билли это не смущает.

– Просмотрев записи с камер, присяжные наверняка признают Джо виновным. Так что ему светит укольчик. С этим все ясно?

– Яснее некуда.

– Адвокат пытается отмазать его от экстрадиции. Ты же в курсе, что такое экстрадиция?

– В курсе.

– Отлично. Адвокат у него толковый, не разводила какой-нибудь. Добился тридцатидневной отсрочки следующего слушания, чтобы время потянуть. Однако в конце концов он проиграет. Джо сидит в одиночной камере, потому что сокамерник пытался его пырнуть. Старик Джо отобрал у парня игрушку и сломал ему запястье, но где один парень с заточкой, там и десяток наберется.

– Какие-то бандитские разборки, что ли? Может, он «Ка-

лекам»² насолил?

Ник пожимает плечами:

– Кто знает? Суть в том, что у Джо теперь отдельные покои и с остальными зэками во дворе он не толкается – на тридцать минут выходит подышать в гордом одиночестве. А тем временем его адвокат связывается с нужными людьми. Посыл такой: не сумеете отмазать Джо, пеняйте на себя. Ваше тайное станет явным.

– Разве это возможно? – Билли думает, что вряд ли, даже если человек, которого Джо убил после покера, был плохим. – Смертный приговор отменят? Или какие-нибудь смягчающие обстоятельства придумают?

– А ты молодец, Билли. На верном пути. Но я слышал, что Джо требует снять с него все обвинения. Видно, припас немало козырей.

– Он думает, что сможет поторговаться и ему все сойдет с рук.

– Говорит человек, которому все всегда сходило с рук, – со смехом замечает Ник.

Билли не смеется.

– Я убиваю людей не потому, что проиграл им в покер. Я вообще не играю в покер. И я никого никогда не грабил.

Ник энергично кивает:

² «Калеки» – крупнейшее преступное сообщество в США, состоит из множества группировок, большинство из которых находится в Лос-Анджелесе, Калифорния.

– Знаю, Билли. Не в обиду. Ты валишь только плохих. Пей давай.

Билли послушно пьет, а сам думает: два миллиона за один заказ. И еще он думает: в чем подвох?

– Видимо, кто-то очень не хочет, чтобы Джо запел.

Ник делает из пальца пистолет и наводит на Билли, словно тот высказал гениальную догадку.

– В точку. Короче, со мной связался один местный воротила – ты с ним встретишься, если возьмешь заказ, – и сказал, что ему нужен самый крутой стрелок, лучший из лучших. По мне, это Билли Саммерс, без вариантов.

– Ты хочешь, чтобы я убил Джо, но не в Лос-Анджелесе, а здесь?

– Не я. Помни, я в этом деле посредник. Кто-то из местных, человек при деньгах.

– В чем подвох?

Ник расплывается в фирменной улыбке. Наводит на Билли очередной «пистолет».

– Прямо к сути, а? Прямо к сути, мать твою! Только подвоха нет. А может, и есть, это как посмотреть. Понимаешь, на это уйдет много времени. Ты здесь...

Он обводит рукой желтый дом и жилой район – под названием Мидвуд, как Билли выяснит позже, – а то и весь городок, что стоит к востоку от Миссисипи, прямо под линией Мэйсона-Диксона³.

³ Линия Мэйсона-Диксона – граница, проведенная во второй половине XVIII

— ...надолго.

века английскими землемерами и астрономами Чарлзом Мэйсоном и Джеремайей Диксоном с целью разрешить вековой территориальный спор между двумя британскими колониями – Пенсильванией и Мэрилендом. До Гражданской войны служила символической границей между свободными от рабства штатами Севера и рабовладельческими штатами Юга.

Они разговаривают еще какое-то время. Ник сообщает Билли, что площадка уже определена – имея в виду место, откуда Билли будет стрелять. Пока можно ничего не решать, сперва ему все покажут и расскажут. Сделает это один местный по имени Кен Хофф. Сегодня он уехал из города по делам.

– Он знает, что я использую для работы?

Этот вопрос – еще не знак согласия, но большой шаг в нужную Нику сторону. Два миллиона за то, чтобы ничего не делать, а потом произвести один-единственный выстрел? От такого предложения сложно отказаться.

Ник кивает.

– Ладно, и когда я встречу с этим Хоффом?

– Завтра. Он позвонит тебе в гостиницу сегодня вечером, сообщит время и место.

– Если я соглашусь, мне понадобится какая-то легенда – зачем я приехал.

– Все продумано. Легенда просто чумовая! Идею подкинул Джорджо. Мы все тебе расскажем завтра, после встречи с Хоффом. – Ник встает и протягивает ему руку. Билли ее жмет, как делал уже не раз, всегда неохотно, потому что Ник – плохой человек. Однако испытывать к нему неприязнь сложно: Ник тоже профи, и его улыбка работает безотказно.

Поли Логан отвозит Билли обратно в гостиницу. Он не слишком разговорчив. Только спрашивает, не возражает ли Билли против радио. Билли не возражает, и Поли включает радиостанцию, которая крутит софт-рок. Один раз говорит: – «Логгинс и Мессина» – лучшие.

И это единственная его реплика за всю дорогу, если не считать брани в адрес водителя, подрезавшего их на Сидар-стрит.

Билли только рад. Он пытается припомнить все фильмы, в которых грабители планируют «последнее дело». Если нуар – это жанр, то «последнее дело» – поджанр. В таких фильмах последнее дело всегда заканчивается плохо. Билли не грабитель, он работает в одиночку и не суеверен, однако эта тема с «последним делом» не дает ему покоя. Может, потому, что ему посулили слишком большие деньги. Или потому, что он не знает настоящего заказчика и его мотивов. А может, его смущает история Ника про то, как Джо пристрелил пятнадцатилетнего медалиста.

– Ну, остаешься? – спрашивает Поли, когда они въезжают во двор гостиницы. – Хофф скоро раздобудет тебе ствол. Я бы и сам раздобыл, но Ник не велел.

Остаюсь ли я? – думает Билли.

– Не знаю. Может быть. – Он ненадолго замирает, вылезая

из машины. – Наверное.

В номере Билли включает ноутбук. Меняет системное время и проверяет, включен ли VPN, потому что хакеры любят отели. Хорошо бы загуглить протоколы слушаний лос-анджелесского суда по делам об экстрадиции – они наверняка должны лежать в свободном доступе, – но есть более простые способы получить информацию, которая ему нужна. А она очень нужна. Правильно говорил Рональд Рейган: доверяй, но проверяй.

Билли идет на сайт «Лос-Анджелес таймс» и покупает полугодовую подписку, расплачиваясь кредитной картой на имя некоего Томаса Гарди. Вообще-то Гарди – любимый писатель Билли (по крайней мере, из представителей натуралистического движения). Попав на сайт, он забивает в поиск «писательница-феминистка», потом добавляет: «попытка изнасилования». Получает полдюжины статей, одна другой короче. Есть и фото писательницы. Она красотка, и ей явно есть что сказать. Предполагаемое нападение произошло во дворе отеля «Беверли-Хиллз». При обыске среди вещей обвиняемого было обнаружено множество поддельных документов и кредиток. Согласно «Таймс», его настоящее имя – Джоэл Рэндольф Аллен. В 2012 году, в Массачусетсе, ему было предъявлено обвинение в изнасиловании, но тогда его оправдали.

Выходит, он в самом деле Джо, думает Билли.

Затем заходит на сайт местной газеты, от имени Томаса Гарди вновь покупает подписку на полгода и вбивает в поисковую строку «убийство жертва покер».

Тут же выскакивает нужная статья, а с ней и фотография злоумышленника с камер наблюдения. Случись все часом раньше, на улице было бы слишком темно, чтобы разглядеть убийцу, однако в нижнем углу фотографии стоит отметка: 5:18. Солнце еще не встало, но вот-вот встанет, и на фото отчетливо видно лицо человека, притаившегося в переулке. Какая удача для обвинителей! Человек держит руку в кармане, поджидая жертву у двери с табличкой «ЗОНА ПОГРУЗКИ, МАШИНЫ НЕ СТАВИТЬ». Окажись Билли на скамье присяжных, он, вероятно, проголосовал бы за смертельную инъекцию на основании одной этой фотографии. Потому что Билли Саммерс – эксперт по части предумышленных убийств, и на этом снимке затевается именно оно.

В самой свежей заметке газеты «Ред-Блафф» говорится, что Джоэл Аллен уже арестован в Лос-Анджелесе по обвинению в другом преступлении, никак не связанном с последним нападением.

Ник, безусловно, уверен, что Билли принимает его слова за чистую монету. Как и прочие клиенты, на которых ему довелось работать за последние годы, Ник считает, что Билли обладает феноменальными снайперскими навыками, но в

остальном глуповат, даже немного умственно отсталый. «Тупое я» получилось таким правдоподобным, потому что Билли во всем знает меру: не ходит с разинутым ртом, не таращится в пустоту. Откровенная тупость насторожила бы людей Ника. Зато комиксы про Арчи творят чудеса. Роман Золя, который он сейчас читает, покоится на самом дне чемодана. А если кто-нибудь обыщет чемодан и найдет книгу? Билли скажет, что подобрал ее в самолете – лежала в кармане для журналов. Девушка на обложке была симпатичная, вот он и прихватил книжку с собой.

Хорошо бы еще поискать статьи про пятнадцатилетнего медалиста, но слишком мало вводных данных. Можно полдня потратить на поиски и ничего не найти. А даже если что-то попадется, не факт, что это будет тот самый медалист. Ладно, это не так важно – главное, что в остальном Ник его не обманул.

Он заказывает сэндвич и чайник чая. Когда все приносят, устраивается у окна, ест и читает «Терезу Ракен». Занятный все-таки роман, эдакая помесь «крутых детективов» Джеймса М. Кейна с комиксами-ужасами из 50-х. После запоздалого обеда он ложится в кровать, закидывает руки за голову и сует их под подушку, где прячется прохлада. Как молодость и красота, она не вечна. Завтра он выслушает Кена Хоффа, и если история подтвердится, вероятно, возьмет заказ. Ждать придется долго, а Билли никогда не любил ждать (однажды пробовал практиковать дзен – не зашло), но ради

двух миллионов долларов можно и потерпеть.

Билли закрывает глаза и засыпает.

В семь вечера съедает ужин, заказанный в гостиничном ресторане, и смотрит на своем ноутбуке «Асфальтовые джунгли», очередной фильм про запоротое последнее дело. Звонит телефон. Это Кен Хофф. Он назначает Билли встречу на завтра. Билли не записывает адрес – записывать что-либо опасно, а память у него хорошая.

Глава 2

1

Как у большинства кинозвезд – не говоря уже о прохожих-мужчинах, которые этим кинозвездам подражают, – на щеках и подбородке Кена Хоффа виднеется скудная поросль, будто он три или четыре утра подряд забывал побриться. Хоффу это совершенно не к лицу, потому что он рыжий. Щетина не делает его крутым мачо, скорее он выглядит так, будто обгорел на солнце.

Они садятся на улице, под тентом кафе «Место под солнцем» – на углу Мейн-стрит и Корт-стрит. Вероятно, по будням здесь бываетлюдно, но субботним днем внутри почти никого, а снаружи и вовсе безлюдно. Все столики в их распоряжении.

Хоффу на вид лет пятьдесят или, может, сорок пять, если половину из них он провел в загуле. Он пьет вино. Билли заказывает диетическую содовую. Вряд ли Хофф работает на Ника – ведь тот из Вегаса. Впрочем, наш пострел везде поспел и промышляет не только на западе. Ник Маджарян и Кен Хофф могут быть как-то связаны, но с тем же успехом Хоффа мог прислать тот, кто платит Билли за работу. При условии, что он за эту работу возьмется.

– Вон то здание через дорогу принадлежит мне, – говорит Хофф. – Всего двадцать два этажа, но в Ред-Блаффе оно второе по высоте. Станет третьим, когда достроят тридцатиэтажный «Хиггинс-центр» с торговым комплексом. Там я только долю прикупил, а эта крошка моя целиком. Все смеялись над Трампом, когда он обещал поднять экономику, а он взял – и поднял. Еще как поднял.

Билли плевать на Трампа и его экономику, но офисное здание он осматривает с профессиональным интересом. Похоже, отсюда ему и предстоит стрелять. «Башня Джерарда». «Башня» – слишком громкое название для двадцатидвухэтажной коробки, но, наверное, жителям городка, застроенного кирпичными домиками, оно действительно кажется башней. На ухоженном зеленом газоне стоит табличка: «АРЕНДА ОФИСОВ И АПАРТАМЕНТОВ КЛАССА ЛЮКС», внизу указан номер телефона. Табличка тут явно давно.

– Сдается не так хорошо, как я ожидал, – говорит Хофф. – Экономика на подъеме, у людей деньги уже из жопы лезут, а две тысячи двадцатый обещает быть еще лучше, но нынче все в Интернете, Билли... Можно называть вас Билли?

– Конечно.

– В общем, я в этом году слегка на мели, особенно с тех пор, как раскошелился на Дабл-ю-дабл-ю-и, но, черт возьми, три дочерних канала – как я мог от такого отказаться?

Билли понятия не имеет, о чем речь. Может, о професси-

ональном рестлинге? Или о шоу «Монстр-трак джем», которое рекламируют по телевизору? Хофф явно полагает, что Билли должен быть в курсе, и потому он со знающим видом кивает.

– Местные толстосумы думают, что я давно в минусе, но экономика у нас на подъеме, верно? Куй железо, пока горячо. Чтобы заработать, надо сперва потратить, так?

– Ага.

– Вот-вот. Так что я кручусь, как могу. Знаете, у меня нюх на хорошие проекты. Вот и это дело, чую, верное. Да, риски есть, но что поделать. К тому же Ник меня уверяет, что если вас заметут – не заметут, конечно, но мало ли, – вы будете держать язык за зубами.

– Да. Буду. – Билли еще ни разу не замечали, и в его планы это не входит.

– Кодекс чести, все дела.

– Ага. – Кажется, Кен Хофф посмотрелся боевиков. И часть их, несомненно, была из категории «последнее дело». Скорей бы уже переходил к сути. Здесь жарко, даже под тен-том. Жарко и влажно. Птичий климат, думает Билли, но, наверное, птицам здесь тоже не очень.

– Я для вас подготовил отличный угловой офис на пятом этаже, – говорит Хофф. – Три комнаты: кабинет, приемная, мини-кухня. Мини-кухня, каково, а? В общем, долго можно в засаде просидеть. Тепло, светло – сиди не хочу. Я пальцем окна показывать не буду, но вы ведь умеете считать до пяти?

Ага, думает Билли, а еще я умею одновременно шагать и жевать жвачку.

Здание прямоугольное – обыкновенная коробка из стекла и бетона, – поэтому на пятом этаже есть два угловых офиса, но нетрудно догадаться, какой именно ему приготовил Хофф: тот, что слева. Из окна по диагонали видно Корт-стрит, улицу длиной всего в два квартала, на которой находится внушительное здание окружного суда из серого гранита: диагональ упирается прямо в его ступени (по ней полетит пуля, если Билли примет заказ). Ступени, которых не меньше двадцати, ведут на просторную площадку со статуей богини правосудия посередине: глаза завязаны, в руках весы. Среди множества фактов, о которых Билли никогда не расскажет Кену Хоффу, есть, например, такой: богиня правосудия – это богиня Юстиция, придуманная, по сути, императором Августом.

Билли вновь поднимает взгляд на угловой офис пятого этажа и мысленно проводит диагональ. Навскидку здесь – от окна до ступеней перед зданием суда – ярдов пятьсот. Такой выстрел он сможет произвести даже при сильном ветре. Разумеется, если инструмент будет подходящий.

– Что вы для меня приготовили, мистер Хофф?

– А? – На мгновение Хофф включает собственное «тупое я».

Билли поясняет вопросом жестом: сгибает указательный палец правой руки. Это могло бы означать «иди сюда», но в

данном случае смысл другой.

– Ах да! Конечно! Вы же просили. – Он оглядывается по сторонам, никого не замечает, но добавляет уже тише: – «Ремингтон-семьсот».

– «Эм-двадцать четыре». – Это ее армейский индекс.

– «Эм»?.. – Хофф лезет в задний карман брюк, достает бумажник и роется в нем. Находит клочок бумаги и смотрит на него. – «Эм-двадцать четыре», точно.

Он уже хочет спрятать записку обратно в бумажник, но Билли протягивает руку.

Хофф отдает листок, и Билли прячет его в свой карман. Позже – еще до встречи с Ником – он смоет его в унитаз гостиничного номера. Записывать ничего нельзя. Как бы этот Хофф не натворил дел.

– Оптика?

– Э-э?

– Прицел какой?

Хофф краснеет.

– Какой вы просили.

– Он у вас тоже записан?

– На той же бумажке.

– Хорошо.

– Э-э... инструмент лежит в...

– Мне это знать ни к чему. Я еще даже не решил, берусь за дело или нет. – Вообще-то Билли решил. – Здание охраняется?

– Ну да. Конечно.

Очередной вопрос «тупого я».

– Если я соглашусь, то инструмент поднимать на пятый этаж буду сам. Договорились, мистер Хофф?

– Не вопрос. – Хофф, пожалуйста, даже рад.

– Ну, тогда мы с вами закончили. – Билли встает и протягивает руку. – Рад знакомству. – На самом деле нет. Билли не знает, можно ли доверять этому человеку. Да еще эта дурацкая облезлая борода. Какой женщине приятно целовать губы, окруженные рыжей щетиной?

Хофф жмет ему руку.

– Я тоже рад. Мне сейчас туго приходится. Читали когда-нибудь «Путь героя»?

Билли читал, но мотает головой.

– Почитайте, советую. Всякие там литературные изыски я пролистал, перешел сразу к сути. Глупости не для меня, я предпочитаю самую мякоть. В общем, не помню, как зовут автора, но он говорит, что любой герой сперва проходит ряд испытаний – и только тогда становится героем. Вот я как раз на этом этапе.

А испытания – это, выходит, подогнать киллеру винтовку и предоставить ему удобную огневую позицию, думает Билли. Вряд ли Джозеф Кэмпбелл отнес бы эти поступки к разряду геройских.

– Что ж, надеюсь, у вас все получится.

Рано или поздно Билли, наверное, предоставят машину, но сейчас он плохо знает город и только рад, что из гостиницы до жилища Ника, за которым тот «присматривает», его подбросит Пол Логан. Примерно таким Билли и представлял себе этот дворец: колоссальных размеров безобразина на двух акрах газона. Поли касается устройства на солнце-защитном козырьке, ворота открываются, и они въезжают на территорию усадьбы. Во дворе в самом деле есть фонтан с писающим мальчиком и еще парой скульптур (римский легионер, дева с обнаженной грудью), подсвеченных снизу скрытыми прожекторами. Уже темнеет, и сам особняк тоже освещен снаружи – видимо, чтобы подчеркнуть убогое излишество. По мнению Билли, он напоминает внебрачное дитя супермаркета и мегацеркви. Не дом, а архитектурный эквивалент красных брюк для гольфа.

На бескрайнем крыльце его поджидает Фрэнк Макинтош, он же Фрэнки Элвис. Темный костюм, сдержанный синий галстук. Глядя на него, ни за что не догадаешься, что свою карьеру он начинал, ломая ноги должникам черных кредиторов. Конечно, то было давно, теперь он работает на криминальных воротил. Вот он вальяжно идет вниз по ступеням крыльца, протягивая руку гостю, как настоящий хозяин имени. Ну, или его дворецкий.

Ник опять-таки встречается Билли в коридоре, только этот куда богаче, чем коридор скромного желтого домика в Мидвуде. Ник мужчина немаленький, однако рядом с ним стоит настоящая глыба весом фунтов за триста. Это Джорджо Свиньелли, свои его называют (за глаза, разумеется) Свином. Если Ник – генеральный директор этой конторы, то Джорджо – его заместитель. То, что они оба здесь, вдали от родного дома, означает, что «комиссия», как ее назвал Ник, выльется в очень немаленькую сумму. Билли сулят два миллиона. Сколько же пообещали этим ребятам – и сколько они уже положили себе в карман? Видно, Джоэл Аллен крупно насолил какому-то богатею. Живущему вот в таком безобразном домине, как этот, если не хуже. Сложно поверить, что на свете есть дворцы еще ужаснее, но они наверняка есть.

Ник хлопает Билли по плечу и говорит:

– Небось решил, что этот жирдяй – Джорджо Свиньелли?

– Ну, похож, – осторожно отвечает Билли, и Джорджо хочет. Смех у него такой же жирный, как он сам.

Ник кивает. На его лице опять вспыхивает улыбка на миллион долларов.

– Верно, похож. Но это Джордж Руссо. Твой агент.

– Агент? Типа риелтор?

– Нет, другой агент. – Ник смеется. – Идем в гостиную. Выпьем, поболтаем, и Джорджо все тебе расскажет. Как я говорил вчера, идея – просто чума!

Гостиная в этом особняке длинная, как пульмановский вагон. Под потолком висят три люстры, две маленькие и одна большая. Мебель приземистая и роскошная. Два херувима держат огромное зеркало в полный рост. На полу стоят старинные часы. Вид у них сконфуженный, им словно неловко здесь находиться.

Фрэнк Макинтош – головорез, переквалифицировавшийся в лакея, – вносит поднос с напитками: пиво для Билли и Ника, что-то вроде шоколадного коктейля с солодом для Джорджо, вознамерившегося, очевидно, употребить как можно больше калорий и в пятьдесят отдать богу душу. Он выбирает единственное кресло, которое способно его вместить. Сможет ли он оттуда выбраться без посторонней помощи – большой вопрос.

Ник поднимает стакан с пивом и произносит тост:

– За нас! Пусть это сотрудничество принесет нам только радость и удовлетворение.

Они выпивают, потом Джорджо говорит:

– Ник сказал, что предложение тебя заинтересовало, но ты пока ничего не решил. Тебя еще вводят в курс дела, так сказать.

– Точно, – кивает Билли.

– Что ж, для удобства будем считать, что ты согласился. –

Джорджо делает большой глоток коктейля через соломинку. – Черт, хорошо! То, что надо жарким вечером. – Он залезает в карман своего пиджака (этой ткани хватило бы обшить сиротский приют, думает Билли) и достает бумажник. Протягивает ему.

Билли берет его в руки. Бумажник фирмы «Лорд Бакстон». Хороший, но не самый дорогой. Его даже слегка состарили: на коже есть царапины и потертости.

– Загляни внутрь. Узнаешь, кем ты будешь в этом богом забытом городишке.

Билли повинуется. В кармане для купюр лежит долларов семьдесят. Несколько фотографий: мужчины – друзья, женщины – подружки. Ни намек на жену и детей.

– Я хотел прифотошопить туда и тебя, – говорит Джорджо, – на фоне Большого каньона или еще где. Да вот загвоздка: в Сети нет ни одной твоей фотографии, Билли.

– От фотографий одни неприятности.

Ник говорит:

– И вообще, нормальные люди не носят в бумажнике собственный портрет. Я уже сказал это Джорджо.

Билли продолжает рассматривать содержимое бумажника, читая его, как книгу. Как «Терезу Ракен», которую закончил сегодня за ужином. Если он останется здесь, его будут звать Дэвид Локридж. У него есть «виза» и «мастеркард», обе выпущены портсмутским банком «Сикост».

– Какие лимиты по картам? – спрашивает он Джорджо.

– На «мастере» пятьсот, на «визе» тысяча. Ты ограничен в средствах. Конечно, если твоя книга выстрелит, как мы надеемся, все может измениться.

Билли переводит недоуменный взгляд с Джорджо на Ник. Неужели они раскусили его «тупое я»?

– Он – твой *литературный* агент! – восторженно орет Ник. – Вот умора, да?

– Так я писатель? Брось, я даже школу толком не закончил. Аттестат получил уже в пустыне – подарок дяди Сэма за то, что не подорвался на растяжках и быстро бегал от моджахедов в Фаллудже и Рамади. Полный бред. Ничего не выйдет.

– Не бред, а гениальный план! – уверяет Ник. – Ты сперва выслушай человека, Билли. Может, мне уже пора называть тебя Дэйвом?

– Нет. Ты не должен называть меня Дэйвом ни при каких обстоятельствах.

Черт, слишком близко к правде, слишком. Билли в самом деле много читает, а одно время даже мечтал стать писателем – впрочем, дальше мечтаний дело не пошло. Иногда пописывал что-то на досуге, но сразу все уничтожал.

– Ник, это не прокатит. Понимаю, вы уже подсуетились... – Он поднимает бумажник. – И мне очень жаль, что так вышло. Но ничего не получится. Что мне говорить людям? О чем я пишу?

– Дай мне пять минут, – заявляет Джорджо. – Максимум десять. Если я тебя не уговорю, расстанемся друзьями.

Насчет друзей – это вряд ли, но так и быть, пусть говорит.

Джорджо ставит пустой стакан из-под коктейля на столик (вероятно, чиппендейловский) рядом с креслом и громко рыгает. Когда наконец переключает на Билли все свое внимание, тот видит истинного Джорджи Свина: стройный, атлетически сложенный ум, погребенный в океане жира, который не даст ему дожить до старости.

– Понимаю, звучит бредово – ты ведь не из таких, – но поверь мне, это сработает.

Билли немного успокаивается. Значит, его пока не раскусили. И на том спасибо.

– Ты проживешь здесь минимум шесть недель, а то и шесть месяцев, – продолжает Джорджо. – Зависит от того, как долго адвокат нашего козлика сможет тянуть с экстрадицией. Ну, или пока он не решит, что смог договориться с нужными людьми. Тебе платят не только за работу, но и за потраченное время. Это ясно?

Билли кивает.

– Выходит, тебе нужна какая-то уважительная причина. Почему ты приехал именно в Ред-Блафф? Здесь ведь не курорт.

– Да уж, – говорит Ник и корчит гримасу, как ребенок, перед которым поставили тарелку с брокколи.

– Еще тебе нужен повод наведываться в то офисное здание неподалеку от суда. Ты будешь писать там книгу.

– Но...

Джорджо поднимает толстую руку.

– Да, по-твоему, дело не выгорит, но поверь мне на слово: все получится. Сейчас расскажу как.

Билли слабо в это верится, но, поскольку за сохранность «тупого я» можно больше не переживать, почему бы не послушать, что придумал Джорджо? Вдруг у него есть дельные соображения.

– Я навел справки, прочитал пару журнальчиков для писателей и кучу статей в Интернете. Короче, вот твоя легенда. Дэвид Локридж вырос в Портсмуте, Нью-Хэмпшир. Всегда мечтал стать писателем, но с трудом окончил школу. Работал на стройке. В свободное время писал, но и бухал вовсю. Я даже хотел про развод упомянуть, но решил не усложнять.

Конечно, я же только в оружии смыслю, подумал Билли, на остальное мозгов не хватает.

– И вот в один прекрасный день тебе подфартило, ясно? В блогах много пишут о том, как к начинающим писателям внезапно приходит слава. Так случилось и с тобой. Ты начал писать роман – страниц семьдесят, может, сто...

– О чем? – Билли начинает это нравиться, но виду он не подает.

Джорджо переглядывается с Ником, тот пожимает плечами.

– Мы пока не решили, но я что-нибудь приду...

– Может, я про себя пишу? Про Дэйва, в смысле. Как это называется?..

– Автобиография! – выпаливает Ник, будто на телевикторине.

– Может быть, – говорит Джорджо. На лице у него написано: *Неплохо, Ник, но оставь это знатокам.* – А может, просто роман. Главное, что тебе нельзя о нем трепаться – агент не велел. Все засекречено. Да, ты писатель, это не тайна – все работники здания должны знать, что какой-то чувак снял офис на пятом этаже, чтобы писать там книгу, но никто не в курсе, о чем она. Так ты не запутаешься и не сболтнешь лишнего.

Да я и так не запутался бы, думает Билли.

– И как Дэвид Локридж здесь очутился? Почему снял офис именно в «Башне Джерарда»?

– Сейчас будет самое интересное, – говорит Ник. Он похож на ребенка, который перед сном в сотый раз слушает любимую сказку. Причем он не притворяется и не преувеличивает: ему в самом деле нравится происходящее.

– Короче, ты решил подыскать себе агента в Интернете, – говорит Джорджо и осекается. – Ты же Интернетом пользуешься?

– Ага, – отвечает Билли. В компьютерах он смыслит больше, чем оба эти толстяка, но им об этом знать не обязательно. – Электронной почтой. Еще на телефоне играю. А, и у меня установлена такая программа – «Комиксолоджи». Скачиваю комиксы прямо себе на комп.

– Вот и славно. Значит, ты начал искать агента и рассы-

лать письма с кратким описанием книжки. Никто не хотел с тобой связываться, потому что у всех есть свои проверенные авторы типа Джеймса Паттерсона или той тетки, что написала Гарри Поттера. В одном блоге говорилось, что это такой парадокс, как «Поправка двадцать два»: чтобы твою книгу издали, нужен агент, но никакой агент не возьмется за автора, у которого нет изданных книг.

– В кино та же история, – вставляет Ник. – Народ любит кинозвезд, но по факту вся власть – в руках агентов. Они принимают решения. Они говорят звездам, в каких фильмах сниматься, а те знай пляшут под их дудочку.

Джордж терпеливо выслушивает его речь, потом продолжает:

– Ну так вот, один агент внезапно соглашается взглянуть на твою книгу, да, мол, присылай пару глав, не вопрос.

– Это ты, – догадывается Билли.

– Точно. Джордж Руссо. Я прочел твою писанину и чуть не обосрался от восторга. Показал знакомым издателям...

Ну-ну, думает Билли. Ты показал ее не издателям, а *редакторам*. Но это мы при необходимости подправим.

– Они тоже офигели и готовы заплатить – суммы там крупные, даже семизначные, – но только когда книга будет готова. Потому что ты неизвестный товар. В курсе, что это значит?

Билли чуть не отвечает: «Конечно», – поскольку от открывающихся возможностей ему слегка срывает крышу. Леген-

да в самом деле получается отличная, особенно эта фишка про засекреченный проект. И неплохо для разнообразия побыть человеком, которым он всегда хотел стать.

– Типа понты кидаю?

Ник выдает ослепительную улыбку. Джорджо кивает:

– Вроде того. В общем, проходит время, я жду продолжения, но мой Дэйв что-то притих. Я жду еще немного. По-прежнему тишина. Я отправляюсь в ваш лобстерный рай и обнаруживаю, что ты в запое, как Эрнест, мать его, Хемингуэй. Когда не работаешь – бухаешь либо похмеляешься, одно из двух. Талантливые люди часто злоупотребляют, знаешь ли.

– Правда?

– Доказано. Но Джордж Руссо твердо вознамерился спасти Дэйва – чтобы тот закончил хотя бы одну книгу. Он уболтал издателя выплатить небольшой аванс – тысяч тридцать-пятьдесят, деньги не большие, но и не маленькие. С условием, что издатель может потребовать их обратно, если Дэйв не уложится в срок – у них это называется «срок сдачи». А самая главная фишка, Билли, вот в чем: чек выпишут не на *твое* имя, а на *мое*.

Картинка уже полностью сложилась у Билли в голове, но он дает Джорджо договорить.

– Я поставил тебе условия. Для твоего же блага. Ты должен уехать из лобстерного рая и бросить всех дружков – бухарей и наркоманов. Поселиться в какой-нибудь глуши, где

делать нечего и не с кем. Я пообещал снять для тебя дом.

– Тот, что я видел, да?

– Да. А главное, я снял тебе офис, куда ты должен каждый день ходить как проклятый, чтобы работать над своей сверхсекретной книжкой и ни на что не отвлекаться, пока она не будет готова. Если не согласен – можешь попрощаться со своим счастливым билетом. – Джорджо откидывается на спинку кресла. С виду оно крепкое и прочное, но все равно тихо стонет под его тушей. – Ну, что скажешь? Если моя идея тебе не по вкусу или ты понял, что не справишься, мы все отменим.

Ник поднимает руку.

– Пока ты ничего не сказал, Билли, позволь кое-что добавить. У этой истории есть еще один плюс. Офисный планктон на твоем этаже, да и все, кто работает в здании, постепенно с тобой познакомятся. Я давно тебя знаю, и у тебя есть один несомненный талант, помимо дара попадать в четвертак с четверти мили.

Ну, ты загнул, думает Билли. Даже Крис Кайл⁴ так не смог бы.

– Ты умеешь ладить с людьми, не заводя с ними дружбы. Народ улыбается, когда тебя видит. – И, словно Билли воз-

⁴ Кристофер Скотт Кайл (1974–2013) – знаменитый американский снайпер, «морской котик». На его снайперском счету 255 противников, из которых 160 были официально подтверждены Министерством обороны США. В 2012 году выпустил автобиографическую книгу «Американский снайпер». Был застрелен своим другом Эдди Рэем Рутон на стрельбище.

разил, добавляет: — Я своими глазами видел! Хофф говорит, к офисному зданию каждый день подъезжает пара фургонов с едой, и в хорошую погоду люди выстраиваются в очередь за обедом. Ты можешь к ним присоединиться. Зачем безвылазно сидеть в офисе, если можно тратить время с пользой — втираться в доверие к местным? Поначалу им будет в новинку твоя профессия, но потом они к тебе привыкнут, и ты станешь такой же офисной крысой, как они: пашешь с девяти до пяти и каждый вечер едешь к себе домой в Мидвуд.

Билли легко может это представить.

— А когда дело будет сделано, кем ты будешь в их глазах? Подозрительным приезжим, которого никто не знает и который вполне мог грохнуть человека? Нет, ты станешь своим. Жил тут несколько месяцев, болтал со всеми в лифте, резался в долларовый покер⁵ с ребятами из коллекторского агентства на втором этаже, чтобы определить, кто угощает всех тако.

— Полиция выяснит, откуда был произведен выстрел, — говорит Билли.

— Конечно. Но не сразу. Сначала они будут искать чужака. К тому же мы придумали отвлекающий маневр. Ты у нас чертов Гудини — сделал дело и исчез, как по волшебству. Ко-

⁵ Долларовый покер (покер лжецов) — популярная игра, в которую обычно играют в барах и закусочных, сочетающая простые математические расчеты и блеф. Игрокам необходимо отгадать, как часто определенные цифры или комбинации цифр встречаются в серийных номерах долларовых купюр всех участников игры. Проигравший угощает остальных едой или выпивкой.

гда пыль уляжется, тебя уже и след простыл.

– Какой еще отвлекающий маневр?

– Обсудим это позже, – говорит Ник. Видимо, план еще не готов. Хотя с Ником никогда не знаешь. – Времени много, а сейчас... – Он смотрит на Джорджо (он же Джорджи Свин, он же Джордж Руссо): мол, твой черед.

Тот опять лезет в карман своего громадного пиджака и достает телефон.

– Назови мне номер, Билли – номер счета в любимом офшорном банке, – и я тут же отправлю туда пятьсот тысяч долларов. Это займет секунд сорок. Полторы минуты, если связь плохая. Заодно кину приличную сумму на мелкие расходы в местный банк.

Билли понимает, что его пытаются склонить к необдуманному решению. В голове на секунду возникает образ коро-вы, которую ведут по желобу на убой, но это, вероятно, просто паранойя, вызванная огромным гонораром. Почему бы последнему делу в его жизни не стать самым прибыльным? И самым интересным. В этом есть определенная логика. Но сперва Билли должен выяснить еще кое-что.

– Зачем вы привлекли Хоффа?

– Это его здание, – моментально отвечает Ник.

– Да, но... – Билли хмурится, изображая на лице усиленную работу мысли. – Он говорит, что в здании полно свободных офисов.

– Угловой на пятом – идеальное место, – говорит Ник. –

Арендует его твой литературный агент, Джорджи Руссо, так что мы не при делах.

– И еще Хофф добудет ствол, – говорит Джорджо. – Или уже добыл. В случае чего копам и тут на нас не выйти.

Билли уже понял, что Ник осторожничает – даже не вышел встречать его на крыльцо этого огороженного особняка, чтобы их случайно не увидели вместе, – но что-то не дает ему покоя. Хофф производит впечатление болтуна, а болтунов не должно быть там, где замышляется убийство.

Тем же вечером, ближе к полуночи, Билли лежит на своей гостиничной кровати, закинув руки за голову и спрятав их под подушку, наслаждаясь прохладой, которая так эфемерна. Разумеется, он сказал «да». А когда ты говоришь «да» Нику Маджаряну, назад пути уже нет. Теперь у Билли свое кино про «последнее дело», и он играет в нем главную роль.

Джорджо отправил пятьсот тысяч долларов на его счет в карибском банке. Там уже скопилась приличная сумма, а после смерти Джоэла Аллена на ступенях здания суда она станет еще приличнее. Хватит на много, много лет безбедной жизни – если, конечно, не сорить деньгами. А Билли сорить не будет. Жить он привык скромно. Шампанское и эскорт-услуги – это не про него. В двух других банках (местных) у Дэйва Локриджа лежит еще восемнадцать тысяч долларов. На повседневные нужды вполне достаточно, а внимание налоговой такая сумма не привлечет.

Билли решил прояснить еще пару моментов. Прежде всего – за какое время его известят о том, что пора действовать? – Тебе хватит, – сказал Ник. – По крайней мере не за пятнадцать минут. Как только суд примет решение об экстрадиции, мы об этом узнаем. Тебе позвонят. Двадцать четыре часа у тебя точно будет, может – дня три или даже неделя. Хватит?

– Да, – ответил Билли. – Но ты должен понимать: я не даю никаких гарантий, если меня известят за пятнадцать минут. Или даже за час.

– Такого не случится.

– А что, если его поведут не по парадной лестнице, а каким-нибудь черным ходом?

– Служебный вход есть, им пользуются все сотрудники суда, – сказал Джорджо. – Но его тоже прекрасно видно с пятого этажа, а расстояние увеличится ярдов на шестьдесят от силы. Это не помеха?

Не помеха. Ник махнул рукой, словно отгоняя назойливую муху.

– Да по лестнице его поведут, вот увидишь. Еще вопросы есть?

Билли сказал, что нет, и теперь он лежит в своем номере, обдумывает дело и ждет, когда его сморит сон. В понедельник он переедет в желтый домик, который для него снял агент. *Литературный* агент. Во вторник он отправится в офис, тоже арендованный Джорджи Свином. Когда Джорджо спросил, что он будет делать в офисе, Билли ответил, что первым делом скачает на ноут «Комиксолоджи». И, может, пару игр.

– Ты не только веселые картинки листай, попробуй для разнообразия написать что-нибудь, – говорит Джорджо, отчасти в шутку, отчасти нет. – Чтобы прочувствовать персонажа. Вжиться в роль.

Что ж, почему бы и нет? Возможно, он так и сделает. Даже если выйдет полная ерунда, это поможет скоротать время. Он предложил автобиографию, Джорджо советовал роман – не потому, что Билли, по его мнению, хватило бы ума написать роман, а потому, что так будет проще отвечать на вопросы любопытных. А любопытные непременно появятся. Причем в больших количествах – когда Билли начнет знакомиться с обитателями «Башни Джерарда».

Он уже проваливается в сон, как вдруг ему приходит в голову классная идея: а почему бы их не объединить? Пусть будет роман-автобиография, только напишет ее не тот Билли Саммерс, что читает Золя, Гарди и даже одолел «Бесконечную шутку» Уоллеса, а другой Билли, его альтер-эго, «тупое я». Глядишь, что-то и получится. Ведь он знает Билли как самого себя.

Попытка не пытка, думает он. Свободного времени полно, почему бы не потратить его на писанину? Размышляя, с чего начать, Билли наконец засыпает.

Глава 3

1

Билли Саммерс вновь сидит в холле гостиницы и ждет, когда за ним приедут.

Понедельник, полдень. Его чемодан и сумка с ноутбуком стоят рядом на полу, и он читает очередной комикс – «Великолепный Арчи: друзья навек». Сегодня он думает не про «Терезу Ракен», а про то, о чем будет писать в офисе на пятом этаже, которого еще даже не видел. Ясности пока нет, но первое предложение уже есть, и он его не забудет. Из первого предложения могут родиться другие. Или нет. Билли готов и к успеху, и к полному провалу. Так уж он привык, и прежде этот подход его не подводил. По крайней мере, в том смысле, что он до сих пор на свободе.

Четыре минуты первого. В холл заходят Фрэнк Макинтош и Поли Логан в деловых костюмах. Все жмут друг другу руки. На «помпадуре» Фрэнка, кажется, блестит новое масло для укладки.

– Надо сдать номер?

– Нет, все улажено.

– Тогда поехали.

Билли убирает журнальчик в боковой карман сумки и

поднимает ее с пола.

– Не-не, – останавливает его Фрэнки. – Пусть Поли тащит. Ему физическая нагрузка на пользу.

Поли оттопыривает средний палец и прижимает им галстук, как булавкой, но сумку все-таки берет. Они выходят на улицу и садятся в машину. Фрэнк за рулем, Поли сзади. Едут в Мидвуд, к желтому домику. Билли смотрит на лысеющую лужайку и думает, что будет ее поливать. Если нет шланга, он его купит. На подъездной дорожке стоит машина – малолитражка «тойота», на вид не новая, хотя по «тойотам» разве скажешь, сколько им лет?

– Моя?

– Твоя. Не бог весть что, но агент тебя держит в черном теле, если помнишь.

Поли ставит чемодан Билли на крыльцо, достает из кармана пиджака конверт с ключами, отпирает дверь. Потом кладет ключи обратно в конверт и вручает его Билли. На конверте написано: «Эвергрин-стрит, 24». Прежде Билли не обращал внимания на адрес, а сейчас ему приходит в голову мысль: *Теперь я знаю, где живу.*

– Ключи от машины на кухонном столе, – говорит Фрэнк. И вновь протягивает ему руку, на прощание. Что ж, Билли только рад.

– Ну, бывай, – говорит Поли.

Меньше чем через минуту они уезжают – наверное, обратно во дворец с херувимом, бесконечно писающим в огром-

ном дворе.

Билли поднимается в хозяйскую спальню на втором этаже и кладет чемодан на двуспальную кровать, с виду только что заправленную. В шкафу он обнаруживает несколько рубашек, пару свитеров, толстовку и две пары парадных брюк. На полу стоит новая пара кроссовок. Вся одежда и обувь ему по размеру. В комодѣ есть носки, нижнее белье, футболки и джинсы «Рэнглер». Единственный пустой ящик Билли заполняет своими вещами. Их немного. Он хотел купить все в «Уолмарте», который видел неподалеку, но теперь такой необходимости, похоже, нет.

Он спускается в кухню. Ключи от «тойоты» лежат на столе, рядом – визитная карточка с тиснением: «КЕННЕТ ХОФФ, ЧАСТНЫЙ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ». Предприниматель, тоже мне, думает Билли. Он переворачивает визитку и на обратной стороне видит короткую записку тем же почерком, что и на конверте с ключами: «Если что-то понадобится, просто позвоните». Указано два номера, рабочий и мобильный.

Он открывает холодильник. Внутри полный набор продуктов первой необходимости: молоко, яйца, бекон, несколько мясных и сырных нарезок, пластмассовый контейнер с картофельным салатом. По упаковке воды «Поланд спринг», «Кока-колы» и пива «Бад лайт». Билли заглядывает в моро-

зилку и невольно улыбается: то, что там лежит, многое говорит о Кене Хоффе. Он одинок, а до развода (Билли уверен, что хотя бы раз в жизни он разводился) его кормили и поили исключительно женщины. Сперва мать, которая наверняка звала его Кенни и следила, чтобы он стригся раз в две недели, а потом жена. Морозилка забита готовыми обедами «Стофферс», пиццей и мороженым – эскимо и рожками. Овощами и не пахнет – ни свежими, ни замороженными.

– Не нравится он мне, – вслух говорит Билли, больше не улыбаясь.

Ой как не нравится. И ему не по душе, что Хоффа вообще приплели к этому делу. Его слишком хорошо знают в городе, он у всех на виду. И потом, Ник о чем-то умалчивает. Может, это пустяк, а может, и нет. Как по меньшей мере раз в день говорит Трамп: «Кто знает?»

В подвале обнаруживается свернутый шланг для полива, покрытый толстым слоем пыли. Вечером, когда жара немного спадает, Билли вытаскивает его на улицу и подключает к крану, торчащему из стены дома. Он стоит на лужайке в новых джинсах и футболке и поливает траву, когда к нему подходит сосед: высокий, в ослепительно-белой на фоне очень черной кожи футболке. Он несет две банки пива.

– Привет соседям! – говорит он. – Вот, холодненького вам принес, хотел познакомиться. Добро пожаловать! Джамал Акерман. – Берет обе банки в одну руку, другую протягивает Билли.

Билли ее пожимает.

– Дэвид Локридж. Дэйв. И спасибо вам. – Он перекрывает воду. – Можем пойти в дом. Или можем расположиться на ступеньках. Я еще не успел толком обжиться. – Здесь, в Мидвуде, нет нужды прятаться под личиной «тупого я» – можно более-менее быть самим собой.

– Ступеньки меня вполне устрают, – говорит Джамал.

Они садятся. Открывают пиво: *ф-с-с-т*. Билли чокается с Джамалом.

– Спасибо.

Они пьют, разглядывая лужайку.

– Одной водой вы этот газон к жизни не вернете, – гово-

рит Джамал. – Могу отсыпать вам немного «Миракл-гро», если хотите. Я в прошлом месяце закупился удобрениями. В садовом центре «Уолли уорлд» была акция: берешь один мешок – второй получаешь в подарок.

– Пожалуй, воспользуюсь вашим предложением. Вообще-то я и сам собираюсь в «Уолли уорлд», хочу прикупить пару садовых стульев для веранды. Но раньше следующей недели вряд ли сподоблюсь – новый дом, куча хлопот, сами понимаете.

Джамал смеется.

– А то! Мы уже три дома сменили с тех пор, как поженились в две тысячи девятом. Поначалу жили у ее мамы. – Он делает вид, будто вздрагивает. Билли улыбается. – У нас двое детей, мальчик и девочка. Десять и восемь лет. Начнут вам мешать – а они начнут, – загоните их домой.

– Если ваши дети не устроят поджог или не примутся бить окна, они мне не помешают.

– Вы купили дом или снимаете?

– Снимаю. Я здесь пробуду какое-то время, но сколько – пока не понимаю. Я... слушайте, мне неловко вот так прямо об этом говорить, но я пишу книгу. Пытаюсь, точнее. Возможно, ее издадут, и я даже получу неплохой гонорар, но мне надо всерьез взяться за дело. Арендовал себе небольшой офис в городе. «Башню Джерарда» знаете? Ну, как арендовал – только договорился о просмотре. Завтра поеду смотреть.

Джамал округляет глаза:

– Писатель! На нашей Эвергрин! Чтоб меня!

Билли смеется и мотает головой:

– Полегче, друг. Я еще не настоящий писатель, только надеюсь им стать.

– Ну и что, все равно! Ух ты. Не терпится рассказать Корин. Обязательно приходите к нам на ужин. Тогда мы сможем говорить всем, что знали вас на заре писательской карьеры.

Он поднимает ладонь. Билли дает ему «пять». *Ты умеешь ладить с людьми, не заводя с ними дружбы*, сказал Ник. Он прав, и это – не обман, не личина. Билли нравятся люди – и нравится держать их на расстоянии вытянутой руки. Звучит противоречиво, но на самом деле никакого противоречия тут нет.

– А про что ваша книга?

– Не могу рассказать. – Ага, вот тут начинается правка. Джорджо может считать себя сколь угодно подкованным в этом вопросе – он ведь литературные журналы и блоги читал! – но он ошибается. – Не то чтобы это страшная тайна, нет. Просто мне надо держать это в себе. Если начну болтать... – Он пожимает плечами.

– Ладно, понял. – Джамал улыбается.

В общем, да. Вот так все просто.

Вечером Билли включает большой телевизор в игровой и заходит на «Нетфликс». Он знал, что это популярный ресурс, но никогда не пользовался им – ведь на свете есть столько книг. А сериалов, оказывается, не меньше. От такого количества возможностей голова идет кругом, и Билли решает пораньше лечь спать. Прежде чем раздеться, он проверяет телефон и обнаруживает там сообщение от своего нового агента:

Дж. Руссо: 9 утра в «Башне Джерарда». Машину оставь дома, приезжай на «убере».

У Билли нет отдельного телефона для Дэйва Локриджа – ни Джорджо, ни Фрэнк Макинтош не дали ему его, – а сам он пока не купил себе одноразовый предоплаченный мобильник. Ладно, можно и личным пользоваться – тем более Джорджо уже ему написал. Переписки в этом мессенджере зашифрованы, так что все нормально. Билли очень нужно кое-что сказать Джорджо.

Билли С.: Не бери с собой Хоффа.

На экране мигают точки. Джорджо печатает ответ, который приходит почти сразу:

Дж. Руссо: Придется. Извини.

Точки исчезают. Разговор окончен.

Билли выкладывает все из карманов и отправляет джинсы

и остальную одежду в стиральную машину. Делает это медленно и хмуро. Не нравится ему Кен Хофф. Этот тип даже рта раскрыть не успел, а уже ему не понравился. Видимо, чуть сработало. То, что родители и бабушки-дедушки Джорджо назвали бы *reazione istintiva*⁶. Но Хофф уже в деле. Джорджо неспроста написал: «Придется». Это о чем-то говорит. Ник и Джорджо не стали бы без уважительной причины привлекать местных – тем более к такому важному предприятию, делу жизни и смерти. Неужели Хоффа позвали только из-за того, что он хозяин здания? Правильное место – половина успеха, как любят говорить риелторы. Или причина в том, что сам Ник – не местный?

Все это, по мнению Билли, никак не оправдывает появления в их плане Кена Хоффа. *Я слегка на мели*, сказал он, но Билли понимает, что даже если у человека туго с шекелями, это вряд ли заставит его пособничать в убийстве. Все приметы – бороденка под мачо, стоптанные мокасины «Гуччи», «докерсы» со слегка потертыми карманами, рубашка «Айзод» – указывают на то, что Хофф запоет соловьем, если окажется в комнате для допросов и полиция предложит ему сделку. Сделки – то, чем живут кены хоффы этого мира.

Билли ложится в кровать и лежит в темноте, спрятав руки под подушку, глядя в пустоту. По улице иногда проезжают автомобили, но их немного. Билли гадает, когда же ему начнет казаться, что два миллиона – ничтожная сумма за такую

⁶ Инстинктивная реакция (*int.*).

работу. Что его развели как дурака. Ответ очевиден: когда пути назад уже не будет.

Билли едет в «Башню Джерарда» на «убере», как ему и велено. Хофф и Джорджо ждут его на улице. Щетина придает Хоффу (по крайней мере на взгляд Билли) сходство с бомжом, а не с крутым киноактером, но в остальном он выглядит безупречно: летний деловой костюм, спокойный серый галстук. «Литагент» Джордж Руссо, наоборот, кажется необъятным в дурацкой зеленой рубашке навыпуск и синих джинсах (из той части джинсов, что прикрывает колоссальных размеров задницу, запросто получилась бы походная палатка). Видимо, по мнению толстяка, именно так одеваются крупные литагенты, когда едут по делам в захолустье. Между ног у него стоит сумка для ноутбука.

Хофф решил чуть-чуть поумерить (вероятно, по просьбе Джорджо) свое торгашеское дружелюбие. Впрочем, удержаться от развязно-добродушного салюта – «*Mon capitaine!*⁷» – ему не под силу.

– Рад вас видеть, Билли! Сегодня утром – и почти каждый день по будням – на посту у нас охранник по имени Ирв Дин. Ему нужно вас сфоткать и взглянуть на ваши водительские права, идет?

Конечно, идет, иначе-то нельзя. Билли кивает.

Несколько сотрудников местных фирм шагают по вести-

⁷ Мой капитан! (*фр.*)

бюлю к лифту. Есть среди них мужчины в костюмах, есть женщины в туфлях на высоких каблуках, которые Билли называет «шелкунчиками», но многие одеты неформально, а кто-то и вовсе в брендированных футболках. Билли не знает, где они работают, но вряд ли им приходится общаться с клиентами.

За стойкой консьержа в центре вестибюля сидит упитанный пожилой охранник. Из-за глубоких морщин вокруг рта он похож на куклу чреовещателя. Наверняка это коп в отставке, причем до окончательного выхода на пенсию ему осталось не больше пары-тройки лет. Формы как таковой он не носит, только синий жилет с нашивкой частного охранного агентства «ПОЛК». На безопасности тут явно экономят. Еще один верный признак того, что у Хоффа проблемы. А если это здание – основной источник его доходов, то проблемы серьезные.

Хофф врубает обаяние на полную, подходит к старику и с улыбкой протягивает ему руку:

- Как дела, Ирв? Все хорошо?
- Нормально, мистер Хофф.
- Жена здорова?
- Артрит маленько мучает, но в целом ничего.
- Это Джордж Руссо, я вас знакомил на прошлой неделе, а это Дэвид Локридж, писатель, наш новый арендатор.
- Приятно познакомиться, мистер Локридж, – говорит Дин. На его лице появляется улыбка, которая сразу делает

его чуть моложе. Немного, но все-таки. — Надеюсь, здесь вам хорошие слова будут в голову приходить.

Какое приятное пожелание, думает Билли. Пожалуй, лучше не придумать.

— Я тоже на это надеюсь.

— Можно спросить, о чем вы пишете?

Билли подносит палец к губам:

— Секрет фирмы.

— Ладно, понял. Офис на пятом хороший, думаю, вам понравится. Мне вас надо щелкнуть на пропуск, ничего?

— Конечно.

— Права у вас есть?

Билли вручает ему водительские права Дэвида Локриджа. На свой смартфон (сзади на чехле красуется логотип в форме бриллианта с надписью «БАШНЯ ДЖЕРАРДА») Ирв фотографирует права, затем самого Билли. Теперь на компьютерных серверах этого здания появится его фотография, которую без труда может получить любой человек с доступом или хакерскими навыками. Билли мысленно успокаивает себя: ничего страшного, это же твое последнее дело. Но ему это не нравится. Совсем.

— Карточка скоро будет готова, я вам ее отдам, когда соберетесь уходить. Вам она пригодится, если за стойкой никого нет. Просто прикладываете ее вот сюда. Мы должны знать, кто в данный момент находится в здании. Я почти все время на посту — а когда у меня выходной, вместо меня дежурит

Логан, – так что обычно мы сами вас пропускаем.

– Понял.

– Та же карточка понадобится при входе в паркинг на Мейн-стрит. Она будет действительна четыре месяца. Ваш... э-э... агент все оплатил. Прикладываете карточку – шлагбаум открывается. Только мне сперва надо внести вас в базу. Когда в суде слушают дело, на улице вы не припаркуетесь, даже не пытайтесь. – Ага, вот почему ему велели добираться на «убере». – Собственного места у вас не будет, но на первом и втором уровне почти всегда найдется свободное местечко. Народу у нас сейчас не очень много. – Он виновато косится на Кена Хоффа, потом вновь переключает внимание на нового арендатора. – Если вам что-то понадобится, просто наберите один-один на своем стационарном телефоне в офисе. Он подключен и работает. Ваш агент позаботился и об этом.

– Мистер Дин очень мне помог, – говорит Джорджо.

– Так это его работа! – весело восклицает Хофф. – Верно, Ирв?

– Именно так.

– Ладно, привет жене. Пусть скорее поправляется. Я слышал, медные браслеты творят чудеса. Те, что по телевизору рекламируют.

– Попробуем как-нибудь, – говорит Дин (впрочем, к его чести, без особой уверенности).

Когда они минуют стойки, Билли замечает на коленях у

охранника свежий номер «Спортс иллюстрейтед» – ежегодный выпуск с супермоделями в купальниках. Он делает себе мысленную пометку при случае купить номерок. «Тупой я» любит спорт, а ему самому нравятся красивые девчата.

Они поднимаются на лифте и выходят в безлюдный коридор.

– Вон там бухгалтерская компания, – говорит Хофф, показывая пальцем в дальний конец коридора. – Два смежных офиса. Потом юридическая фирма. И какой-то стоматолог. Вроде. Если не съехал. Наверное, съехал, раз таблички на двери нет. Надо будет спросить у агента. Весь остальной этаж свободен.

О да, у тебя большие неприятности, снова думает Билли. Он украдкой косится на Джорджо, но Джорджо – вернее, *Джордж* – глазеет на пустую дверь стоматологического кабинета. Было бы на что смотреть.

В конце коридора Хофф достает из кармана пиджака маленькую матерчатую визитницу с золотыми буквами «БД» на обложке.

– Это вам. Здесь две запасные карточки.

Билли прикладывает одну из карточек к считывателю замка и входит в небольшую переднюю – или приемную зону, будь это действующий офис. В помещении жарко и душно, воздух спертый.

– Ох, кто-то забыл включить кондиционер! Секундочку, погодите... – Хофф нажимает какие-то кнопки на стенной

панели управления и обеспокоенно ждет – ничего не происходит. Наконец из решеток под потолком начинает идти прохладный воздух. Хоффа сразу отпускает: он стоял навывтяжку, а теперь вновь ссутулился.

Следующее помещение – большой рабочий кабинет (или небольшой конференц-зал). Письменного стола нет, только переговорный, за которым впритирку поместятся шесть человек. На столе – пачка блокнотов «Стейплз», коробка с шариковыми ручками, стационарный телефон. В этой комнате – его будущем писательском кабинете, судя по всему, – даже жарче, чем в передней, потому что ее заливают утреннее солнце. Жалюзи опустить тоже забыли. Джорджо приподнимает ворот своей рубашки.

– Фух!

– Скоро будет прохладно, вот увидите, – заверяет его Хофф. Он явно волнуется. – У нас отличная система кондиционирования, последнее слово техники! Уже стало лучше, чувствуете?

Билли плевать на температуру воздуха, по крайней мере сейчас. Он подходит к правой части большого окна, выходящего на дорогу, и смотрит по диагонали на ступени здания суда. Затем чуть смещает взгляд и видит небольшую дверь – служебный вход. Он представляет, как к суду подъезжает полицейский автомобиль или фургон с надписью «УПРАВЛЕНИЕ ШЕРИФА» либо «ГОРОДСКАЯ ПОЛИЦИЯ». Выходят стражи закона – минимум двое, может, трое. Четве-

ро? Вряд ли. Они открывают заднюю дверь автомобиля со стороны тротуара или боковую дверь фургона. Джоэл Аллен покидает салон. Узнать его – не проблема: он в наручниках и окружен полицейскими.

Когда время придет – *если* оно придет, – произвести выстрел не составит никакого труда.

– Билли!

Голос Хоффа выдергивает его из размышлений.

Застройщик стоит в дверях третьей, совсем крошечной комнатки – мини-кухни. Убедившись, что Билли обратил на него внимание, Хофф обводит рукой бытовые приборы (ни дать ни взять манекенщица из телешоу «Верная цена»).

– Дэйв, – поправляет его Билли. – Меня зовут Дэйв.

– Точно. Простите. Ошибся. Здесь у нас плита на две конфорки, духовки нет, зато есть микроволновка для попкорна и разогрева полуфабрикатов – ну, там «Хот покетс», готовые обеды и все такое. Тарелки и кастрюльки – в шкафах. Посуду можно сполоснуть в мойке. Мини-холодильник. Туалета здесь нет, но в конце коридора есть общий – в вашем конце, так что идти недалеко. Да, и вот что.

Он достает из кармана ключик и тянется к прямоугольной деревянной панели над дверью между кабинетом/конференц-залом и мини-кухней. Вставляет ключ, сдвигает в сторону панель, и та сама собой поднимается. Внутри пустое пространство около восемнадцати дюймов в ширину, четырех футов в длину и двух футов в глубину.

– Нычка, – сообщает Хофф и делает вид (ей-богу!), что палит из воображаемой винтовки. – Ключ нужен, чтобы за-
пирать ее по пятницам, когда приходят уборщики...

Билли хочет его перебить, но вместо него это делает Джорджо. Вот и славно: думать здесь должен он, а не Билли Саммерс.

– В этом офисе – никакой уборки. Ни по пятницам, ни в любой другой день. Секретный литературный проект, помнишь? Дэйв у нас парень чистоплотный, верно, Дэйв?

Билли кивает. Он в самом деле чистоплотный.

– Скажи это Дину, второму охраннику – Логану, да? – и Бродеру тоже. – Он поясняет для Билли: – Стивен Бродер – управляющий.

Билли кивает и мысленно заносит имя в свою «базу».

Джорджо водружает сумку с ноутбуком на стол, отодвигая письменные принадлежности (Билли находит этот жест одновременно грустным и символичным), расстегивает молнию.

– «Макбук-про». Последняя модель, лучшее, что сейчас есть на рынке. Дарю. Можешь пользоваться своим, если привык, но эта крошка... У нее куча всяких фишек и приблуд. Запустить сможешь? Тут должна быть инструкция или...

– Разберусь.

Это не проблема, но есть один нюанс. Если Ник не превратил эту роскошную черную машинку в волшебное зеркало, через которое можно подглядывать за творческим про-

цессом Билли, то он упустил очень неплохую возможность. А Ник Маджарян ничего не упускает.

– Елки-палки, вы мне напомнили! – Вместе с ключом от тайника Хофф вручает Билли еще одну карточку. – Пароль от вайфая. Не переживайте, у нас все безопасно – как в банке.

Брехня, думает Билли, пряча карточку в карман.

– Что ж, – говорит Джорджо, – на этом, пожалуй, все. Оставляем тебя творить. Пойдем, Кен.

Хофф не торопится уходить – ему как будто хочется показать Билли что-то еще.

– Звоните, если что-то понадобится, Би... Дэйв. Что угодно – может, развлечения какие-нибудь? Телик? Радио?

Билли мотает головой. У него приличная музыкальная библиотека на телефоне – в основном кантри и вестерн. Дел в ближайшие дни будет немало, но рано или поздно он перекачает свою музыку на этот новенький ноутбук. Если Ник захочет за ним понаблюдать, то услышит Рибу, Вилли и всю лихую компашку Хэнка Уильямса-младшего⁸. А потом, возможно, Билли все-таки начнет писать. На своем личном компьютере. Только сперва надо будет дополнительно обезопасить оба компа от хакеров – новый и старый, проверенный временем.

Джорджо наконец уводит Хоффа, и Билли остается один.

⁸ Риба Макинтайр, Вилли Нельсон и Хэнк Уильямс-младший – культовые исполнители кантри.

Он возвращается к окну и какое-то время изучает обе диагонали: ту, что упирается в широкие ступени, и ту, что ведет к служебному входу. Снова в красках и подробностях представляет, как именно все произойдет. Обычно в жизни бывает чуть иначе, чем представлялось, но работа над заказом обязательно начинается с картинки, которую ты должен увидеть в своем воображении. Этим убийца похож на поэта. Что-то неизбежно изменится, возникнут непредвиденные обстоятельства, жизнь внесет коррективы, но сначала ты должен все увидеть.

На телефон приходит сообщение.

Дж. Руссо: Извини, что притащил Хоффа. Знаю, он придурак.

Билли С.: Мне еще придется с ним общаться?

Дж. Руссо: Не знаю.

Конечно, Билли хотел бы получить более определенный ответ, но на первое время сойдет. Деваться ему все равно некуда.

Домой – то есть туда, где теперь его дом – Билли возвращается с новым пропуском на имя Дэйва Локриджа в кармане. Завтра он поедет на работу на своем новом подержанном автомобиле. У входной двери стоит мешок газонного удобрения «Миракл-гро» с приклеенной скотчем запиской: «Решил, что вам пригодится! Джамал А.»

Билли машет соседнему дому рукой, хотя и не знает, есть ли там кто-нибудь – сейчас половина двенадцатого утра, вероятно, оба Акермана на работе. Он заносит мешок в коридор и едет в «Уолмарт», где покупает два одноразовых мобильника (основной и запасной) и пару флешек, хотя пригодится ему скорее всего только одна. Памяти на ней предостаточно: полное собрание сочинений Эмиля Золя не займет и сотой ее части.

Еще он спонтанно покупает дешевый ноутбук «Оллтек», который убирает в шкаф, даже не достав из коробки. За компьютер он платит «визой» Дэвида Локриджа. Никаких определенных планов на эти устройства у него нет, возможно, ему даже не придется ими воспользоваться. Все будет зависеть от стратегии бегства с места преступления, которая пока неясна.

По дороге домой он заглядывает в «Бургер Кинг», а когда подъезжает к желтому домику, замечает на тротуаре двух ре-

бят с велосипедами. Мальчик и девочка, он белокожий, она темнокожая. Девочка – вероятно, дочь Акерманов.

– Вы наш новый сосед? – спрашивает парень.

– Да, – отвечает Билли, а сам думает, что пора привыкать к новой роли. Может, будет даже весело. – Меня зовут Дэйв Локридж. А вы кто?

– Я Дэнни Фасио, а это моя подруга Шанис. Мне девять. Ей восемь.

Билли пожимает руку Дэнни, потом девочке, которая застенчиво поглядывает на него, когда ее коричневая ручка скрывается в его большой белой руке.

– Приятно познакомиться. У вас уже летние каникулы начались? Наслаждаетесь свободой?

– В этом году со списком литературы клево придумали, – говорит Дэнни. – За каждую прочитанную книжку дают наклейку. Я уже четыре собрал, а Шанис пять, но ничего, я скоро ее догоню. Мы идем ко мне в гости. После обеда будем с ребятами играть в «Монополию» в парке. – Он показывает пальцем в нужном направлении. – Шан принесет игру из дома. Я всегда гоночной машиной хожу.

Дети гуляют сами по себе, и это в двадцать первом веке, восхищается Билли. Надо же! Только тут он замечает толстяка в двух домах от них – майка-алкоголичка, бермуды, забрызганные скошенной травой кеды, – который поглядывает на него. И на то, как он, Билли, общается с детьми.

– Ладно, счастливо! – говорит Дэнни, садясь на велосипед.

– В попе слива, – отвечает Билли, и дети дружно смеются.

Днем, немного подремав – как писатель, он, наверное, имеет право на дневной отдых, – Билли достает из холодильника упаковку «Бада» и относит его на крыльцо Акерманов, снабдив запиской: «Спасибо за удобрения. Дэйв».

Что ж, здесь начало положено, причем хорошее. А в городе? Наверное, тоже. Будем надеяться.

Вот только этот Хофф... Чертов Кен Хофф не дает ему покоя.

Вечером, когда Билли удобряет свою лужайку, Джамал подходит к нему с двумя из подаренных шести банок пива. Он одет в зеленый комбинезон: с одной стороны на груди нашивка с его именем, с другой – «СУПЕРШИНЫ». Вместе с ним, держа в руке банку пепси, идет мальчик.

– Здравствуйте, мистер Локридж! – говорит Джамал. – Этот малый – мой сын Дерек. Шанис рассказала, что вы уже познакомились.

– Да, и с ее приятелем Дэнни тоже.

– Спасибо за угощение! Слушайте, а чем это вы удобрение рассыпаете? Похоже на сито для муки, как у моей жены.

– Оно и есть. Я думал купить сеялку в «Уолмарте», но тратиться на этот так называемый газон... – Он косится на лысый клочок земли перед домом и пожимает плечами. – Многовато чести.

– Смотрю, у вас неплохо получается. Тоже так попробую. А что с лужайкой на заднем дворе? Там травы побольше будет.

– Ее надо сперва покосить, а у меня нет косилки. Пока.

– Можете взять нашу, правда же, пап? – говорит Дерек. Джамал ерошит ему волосы.

– Конечно. В любое время.

– Нет, это уж слишком. Я себе куплю – если, конечно, дело

пойдет и я тут останусь.

Они поднимаются на веранду и садятся на ступеньки. Билли открывает пиво и делает глоток. Ему сразу становится хорошо, и он сообщает об этом гостям.

– А о чем ваша книга? – спрашивает Дерек, сидящий между ними.

– Секрет фирмы, – с улыбкой отвечает Билли.

– Да, но это правда или вымысел?

– Понемногу того и другого.

– Ну все, хватит, – говорит сыну Джамал. – Не выпытывай, это невежливо.

Из дома в дальнем конце улицы к ним идет женщина. На вид ей лет пятьдесят: седеющие волосы, яркая помада. Она держит в руке высокий стакан и шагает нетвердо.

– Это миссис Келлогг, – тихо поясняет Джамал. – Вдова. Потеряла мужа в прошлом году. Инсульт. – Он задумчиво оглядывает жалкую лужайку у дома Билли. – Когда он стриг газон, между прочим.

– Смотрю, у вас вечеринка? Можно попроситься? – спрашивает миссис Келлогг. Она еще не подошла вплотную, и ветра нет, но Билли издали чувствует, как от нее разит джином.

– Можно, если вы не против посидеть на ступеньках, – говорит он, вставая и протягивая руку. – Дэйв Локридж.

Тут к ним подходит тип, который днем приглядывал за Шанис и Дэнни. Майку-алкоголичку и бермуды он сменил на джинсы и футболку «Властелины Вселенной». Компанию

ему составляет высокая тощая блондинка в домашнем платье и кедах. Из соседнего дома выходят дочка и жена Джама-ла с тарелкой шоколадных брауни. Билли приглашает всех в дом, где можно нормально сесть.

Добро пожаловать в Мидвуд, думает он.

Тип в футболке «Властелины Вселенной» и его тощая белобрысая жена – это Рагланды. Вскоре подтягиваются и Фасио (без сына), а Петерсоны с дальнего конца квартала приносят бутылку красного. Гостиная битком набита людьми – получилась маленькая импровизированная вечеринка. Билли даже рад. Отчасти потому, что можно наконец не включать «тупое я», а отчасти потому, что ему нравятся все эти люди, даже Джейн Келлогг, которая изрядно наклюкалась и без конца бегаёт в туалет. Который называет сортиром. К тому времени, когда народ начинает расходиться – не поздно, потому что завтра всем на работу, – Билли приходит к выводу, что отлично сюда впишется. К нему проявляют интерес, поскольку его призвание пока всем в диковинку. Это ненадолго: к середине лета, при условии, что Джоэл Аллен не заявится слишком рано на свидание с пулей, Билли окончательно примелькается в Мидвуде и станет для всех обычным соседом. Своим человеком.

Билли узнает, что Джамал работает бригадиром на шиномонтаже «Супершины», а Кори – как тесен мир! – стенографисткой в суде. Во время летних каникул за Шанис присматривает Диана Фасио. Брат Шанис – Дерек – ходит в летний лагерь при школе, а в августе поедет в баскетбольный. Еще Билли рассказали, что Дуганы, которые съехали из желтого

дома в октябре, никого не предупредив (смотали удочки, как говорит Пол Рагланд), были «с претензией», поэтому Дэйву Локриджу все очень рады. После убийства они будут говорить репортерам, что он производил впечатление хорошего и доброго человека. Вот и хорошо. Билли тоже считает себя хорошим человеком, просто работа у него грязная. По крайней мере, думает он, я никогда не убивал пятнадцатилетних пареньков по дороге в школу. Впрочем, не факт, что это делал и Джоэл Аллен, он же Джо.

Прежде чем лечь спать, Билли достает из коробки ноутбук «Оллтек», открывает браузер и гуглит Кена Хоффа. В Ред-Блаффe он, оказывается, известный деятель, чуть ли не первое лицо – член Братства оленя и ротарианец, в свое время был президентом местного филиала Американской молодежной торговой палаты, а в 2016-м – председателем местного отделения Республиканской партии (на просторах Интернета нашлось даже фото Кена без бороденки, зато в красной бейсболке «MAGA»⁹). Входил он и в комиссию по планировке города, но в 2018-м покинул пост после обвинений в злоупотреблении положением. Ему принадлежат полдюжины городских зданий, включая «Башню Джерарда» (что в глазах местных должно делать его мини-версией Дональда Трампа), и три телеканала, один в Ред-Блаффe и два в Ала-

⁹ «MAGA» («Make America Great Again») – «Вернем Америке былое величие». Лозунг Дональда Трампа в президентской кампании 2016 года. Впервые был использован Рональдом Рейганом в 1980 году, затем – Биллом Клинтонem в 1992 году (позже он от него отказался, сочтя расистским).

баме. Все три входят в структуру Дабл-ю-дабл-ю-и (вот что имел в виду Хофф, когда говорил про телеканалы). Жена у него была не одна, а целых две, с обеими он в разводе – на одних алиментах недолго разориться. Был план построить поле для гольфа, но сорвался в конце прошлого года. Строительство еще одного офисного здания в центре города подвисло на неопределенный срок. Иными словами, картина маслом: маленькая бизнес-империя на краю пропасти. Толкнешь разок – и ухнет вниз.

Билли ложится и какое-то время просто смотрит в темноту, пряча руки под подушкой. Он не может понять, что привлекло Ника в Кене Хоффе, а Кена Хоффа – в Нике. Да, последнему обаяния не занимать (одна улыбка на миллион чего стоит!), и он умнее среднестатистического уголовника, но будем честны: он – гиена, а гиены промышляют тем, что замечают самое слабое, хромое животное и ждут, когда оно отобьется от стада. Кен Хофф – козел отпущения. За само убийство его, конечно, не посадят, на этот случай у него будет железное алиби. Но когда копы начнут искать заказчика, они выйдут не на Ника, а на Кена. Что ж, Билли это вполне устраивает.

Запасы прохлады под подушкой иссякли, поэтому он перекачивается на правый бок и сразу засыпает.

Все-таки утомительное это дело – быть хорошим соседом.

Глава 4

1

На следующий день Билли приезжает в офис, включает новенький «мак» и закачивает на него пасьянс «Соли-тер». Вариантов великое множество. Он выбирает «Кэн-филд» и настраивает компьютер так, чтобы тот делал ход раз в пять секунд. Если Ник и Джорджо захотят посмотреть, чем он занимается (или поручат это Фрэнки Элвису), они не догадаются, что компьютер играет сам с собой.

Билли подходит к окну и выглядывает на улицу. Вся Корт-стрит под завязку забита припаркованными машинами, среди которых много полицейских патрульных. Столики под тентами возле кафе «Место под солнцем» заполнены людьми, жующими пончики и слойки. Несколько человек спускается по ступеням здания суда, но куда больше народу идет вверх. Одни легко взбегают по лестнице, демонстрируя неплохую физическую подготовку, другие еле плетутся. Последние – в большинстве своем адвокаты, которых легко узнать по огромным пухлым портфелям. Скоро начнется очередное слушание.

Словно в подтверждение этой догадки на улицу въезжает микроавтобус – некогда красный, но с годами выцветший до

розового. Он медленно подкатывает к зданию суда, минуя главную лестницу, и останавливается у служебного входа в правом крыле каменной громадины. Дверь автобуса открывается. Оттуда выходит коп, следом – вереница заключенных в оранжевых комбинезонах, в конце еще один коп. Заключенные под конвоем обходят автобус. Дверь служебного входа распахивается, и они проходят внутрь, где каждый из них будет дожидаться решения суда по своему делу. Зрелище интересное и вполне заслуживает занесения в базу, полагает Билли, однако Ник прав: Аллена наверняка поведут не к служебному входу, а по лестнице к главному. Впрочем, Билли все равно. На дистанцию это почти не повлияет. Куда важнее то, что по будням на Корт-стрит куча народу. Может, днем по улицам шатается меньше людей, но большинство деловых встреч происходит утром.

Ты у нас чертов Гудини – сделал дело и исчез, как по волшебству. Когда пыль уляжется, тебя уже и след простыл.

Будем надеяться, думает Билли. Потому что именно за такое волшебное исчезновение ему, по сути, и платят. Ник, конечно, не просто так нанял Билли. Даже если исчезнуть он не сможет, у него нет друзей или родственников, которые будут на него давить, уговаривая пойти на сделку с полицией и выдать имя заказчика. Пусть (по мнению Ника) Билли далеко до самой яркой лампочки в люстре, ему хватит ума не пытаться в обмен на заветное имя смягчить приговор. Если ты пристрелил человека из снайперской винтовки с пятого эта-

жа офисного здания, в котором несколько недель или месяцев просидел в засаде, в чем тебя могут обвинить? Ежу понятно, что это убийство первой степени – умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах.

Да, если Билли все-таки заметут, обвинение может предложить ему только одну сделку (и Ник, естественно, в курсе). В этом штате убийство карается смертной казнью. Умный окружной прокурор предложит Билли вместо инъекции пожизненное заключение в исправительной колонии «Ринкон». Билли думает, что даже если все сложится таким образом, он по-прежнему может не упоминать Ника. Он может назвать Кена Хоффа, потому что Хоффу и так жить останется недолго, если Билли повяжут на выходе из «Башни Джерарда». А может, ему в любом случае недолго осталось. Попадая в круг общения Ника Маджаряна, козлы отпущения долго не живут.

Вероятно, Билли и самому осталось не так много: для верности могут убрать и его. Например, он случайно упадет с тюремной лестницы – при этом руки у него, конечно, будут скованы наручниками за спиной. Или его пырнут заточенной зубной щеткой в душу, запихнут кусок мыла ему в глотку... Допустим, с одним человеком он еще справится, даже с двумя, а с целой толпой «восемьдесят восьмых» или тремя-четырьмя головорезами «Народной нации»? Нет. Да и хочет ли он сидеть в тюрьме до конца жизни? Тоже нет. Лучше уж смерть, чем клетка. Ник наверняка понимает и это.

Впрочем, если Билли не попадется, все будет отлично. Его еще ни разу не поймали – семнадцать раз он благополучно скрывался с места преступления. Но и подобная ситуация ему в новинку. Обычно стреляешь тайком из подворотни, а рядом стоит машина, которая тут же увезет тебя прочь из города по заранее спланированному маршруту.

Как скрыться из офиса на пятом этаже здания в центре города, застрелив человека из снайперской винтовки? При чем вокруг будет тьма полицейских, городских и окружных. Билли знает, как это выглядело бы в кино: крутой наемник воспользуется прибором бесшумной и беспламенной стрельбы, глушителем. Только здесь это не прокатит. Дистанция велика, и в случае промаха второго шанса не будет. Кроме того, щелчок пули, преодолевающей звуковой барьер, заглушить невозможно. ПББС тут бессилен. И у Билли есть личный пунктик: он никогда не доверял «банкам». Накрути подобную штуку на дуло хорошей винтовки – и имеешь все шансы запороть выстрел. Значит, будет громко, и хотя в первые секунды никто не определит, откуда стреляли, позже, когда люди перестанут прятать головы и начнут озираться по сторонам, они увидят окно на пятом этаже «Башни Джерарда» с вырезанной в стекле круглой бойницей. Окна-то здесь не открываются.

Все эти проблемы не пугают Билли. Наоборот, они делают задачу увлекательнее. Как всевозможные опасные трюки (выбраться из окованного цепями сейфа, брошенного в Ист-

Ривер, или освободиться из смиренной рубахи, болтаясь под крышей небоскреба), несомненно, увлекали Гарри Гудини. План у Билли пока не готов, но начало положено. Парковка на первых двух уровнях оказалась чуть более заполненной, чем следовало из слов Ирва Дина – вероятно, сегодня в суде идет особенно много слушаний, – но на четвертом уровне свободно. Читай, уединенно, а уединение – это всегда хорошо. Билли уверен, что с этим согласился бы и Гудини.

Он возвращается к столу, на котором дорогуший «макбук-про» до сих пор играет в «Кэнфилд» сам с собой, включает свой личный компьютер и заходит на «Амазон». На «Амазоне» можно купить что угодно.

На небольшой участок тротуара у «Башни Джерарда» с помощью трафарета нанесена надпись: «ПАРКОВКА ТОЛЬКО ДЛЯ СЛУЖЕБНОГО ТРАНСПОРТА». В одиннадцать пятнадцать здесь останавливается красочный фургон с нарисованным на боку сомбреро, под которым написано: «ЗАКУСОЧНАЯ ХОСЕ: TODOS COMEN!¹⁰» Люди начинают выходить из здания и стекаться к фургону, как муравьи на сахар. Пять минут спустя рядом с первым фургоном останавливается еще один: на его боку нарисован улыбающийся мультяшный мальчик, с жадностью уплетающий двойной чизбургер. В одиннадцать тридцать, когда люди выстраиваются в очереди за бургерами с картошкой, тако и энчиладами, к зданию подъезжает третий фургон, с хот-догами.

Пора перекусить, думает Билли. И заодно познакомиться с еще парой-тройкой соседей.

На пятом этаже ждут лифта четыре человека: трое мужчин и одна женщина. Все одеты по-деловому, и всем за тридцать (женщина, возможно, моложе). Билли подходит к ним. Один мужчина спрашивает, не он ли – новый писатель, недавно снявший здесь офис. Как будто Билли здесь вместо старого! Он отвечает, мол, да, это он, Дэйв Локридж. Все тоже представляются. Их зовут Джон, Джим, Гарри и Филлис.

¹⁰ Едят все! (исп.)

Билли спрашивает, что они посоветуют взять на обед. Джон и Гарри рекомендуют мексиканский фургон. «Там отличные тако с рыбой», – говорит Джон. Джим добавляет, что бургеры тоже неплохие, а луковые кольца – лучше не придумаешь. Филлис признается, что сегодня нацелилась на чили-дог от Пита.

– Это, конечно, не высокая кухня, – говорит Гарри, – но лучше, чем из дома обеда таскать.

Билли спрашивает про кафе через дорогу, и все дружно мотают головами. Такое единодушие его забавляет. Он улыбается.

– Держитесь подальше от этой забегаловки, – говорит Гарри. – В обед там куча народу.

– И цены аховые, – добавляет Джон. – Не знаю как писателям, а адвокатам молодой юридической фирмы приходится считать денежки.

– Много тут адвокатов? – обращается Билли к Филлис, когда двери лифта открываются.

– Это не ко мне вопрос, – отвечает она. – Лично я из бухгалтерской компании «Полумесяц». Отвечаю на звонки и проверяю налоговую отчетность.

– Да, законников тут немало, – говорит Гарри. – И на третьем-четвертом, и на шестом этаже есть конторы. На седьмом вроде было архитектурное бюро, а на восьмом – фотостудия. Специализируются на коммерческой фотографии для каталогов.

Джон говорит:

– Если представить, что это здание – телешоу, оно называлось бы «Молодые юристы». Все крупные фирмы находятся в двух-трех кварталах отсюда, по другую сторону здания суда – на Холланд-стрит и Эмери-плазе. А мы к ним прибились и питаемся крошками с хозяйского стола.

– И ждем, когда хозяева помрут, – добавляет Джим. – Большинство адвокатов старой закалки – динозавры, которые носят костюмы-тройки и говорят, как босс Хогг в «Придурках из Хаззарда».

Билли вспоминает табличку у входа: «АРЕНДА ОФИСОВ И АПАРТАМЕНТОВ КЛАССА ЛЮКС». Выглядела она так, будто стояла там очень давно; как и от самого Хоффа, от нее веяло отчаянием.

– Полагаю, вашей фирме сдают помещения с хорошей скидкой?

Гарри наводит на Билли указательный палец:

– В точку! Четыре года по цене, которая чуть-чуть недоотягивает до невероятно прекрасной. Причем цена останется прежней даже в том случае, если Хофф – владелец здания – пойдет по одиннадцатой статье, то есть обанкротится. Железобетонный контракт. Нам, юнцам, это на руку: есть время встать на ноги.

– Ну, а кроме того, – добавляет Джим, – если адвокат погорел на собственном договоре аренды, туда ему и дорога.

Молодые юристы смеются. Филлис улыбается. Все выхо-

дят в вестибюль. Парни уверенно устремляются к еде, а Билли с Филлис неторопливо идут следом. Она хорошенькая, хотя такую красоту часто недооценивают – скорее ромашка, чем пион.

– Мне любопытно... – говорит Билли.

– Это у писателей в крови, наверное? – с улыбкой произносит она. – Любопытство.

– Да, пожалуй. Я смотрю, здесь многие одеваются неформально. Взять хоть тех ребят. – Он показывает на парочку, которая приближается к выходу. Мужчина в черных джинсах и футболке с Саном Ра¹¹. Его спутница – в узком топе, который скорее подчеркивает, нежели скрывает ее беременность. Волосы стянуты красной резинкой в небрежный пучок. – Только не говорите, что это адвокаты или архитекторы. Может, фотографы? Но больно их много, целое стадо.

– Они из коллекторского агентства «Лидер» на втором этаже. *Весь* второй этаж занимают. Это коллекторы. Мы не просто так их КАЛом прозвали. – Она морщит нос, будто учуяла неприятный запах, но Билли подмечает легкие нотки зависти в ее голосе. Деловой стиль в одежде нравится людям только поначалу, однако со временем превращается в обузу, особенно для женщин: нужно постоянно следить за волосами, макияжем, носить «щелкунчики». Наверняка эту при-

¹¹ Сан Ра (1914–1993) – американский джазовый композитор, пианист, поэт и философ, один из самых неоднозначных музыкантов XX века, считавший себя «космическим посланником» с Сатурна. Руководил музыкальным коллективом «Arkestra» с постоянно менявшимся составом и названием.

влекательную женщину из бухгалтерской конторы с пятого этажа время от времени посещают мысли о том, как здорово было бы натянуть джинсы, легкий топ, подкрасить губы и в таком виде отправиться на работу. – А зачем им презентабельно выглядеть? Сидят себе весь день в просторном офисе с открытой планировкой, с клиентами общаются только по телефону. Люди, которым они названивают, не должны их видеть. – У самых дверей она останавливается и задумчиво произносит: – Интересно, сколько им платят?

– Похоже, бухгалтерию «Лидера» ведете не вы.

– Это точно. Но имейте нас в виду, если ваша книга выстрелит, мистер Локридж. Наша фирма тоже молодая. У меня где-то есть визитка...

– Не ищите. – Билли касается ее запястья, пока она не успела перерыть всю сумку. – Если книга выстрелит, я просто постучу в вашу дверь.

Она улыбается и окидывает его оценивающим взглядом. На ее руке нет ни обручального, ни помолвочного кольца, и Билли приходит в голову, что в другой жизни он позвал бы ее после работы в бар. Возможно, она отказала бы, хотя этот кокетливый взгляд из-под ресниц и улыбка говорят об обратном. Конечно, никуда он ее не позовет. Да, ему надо знакомиться с местными. Производить и получать хорошие впечатления – сколько угодно. Но сближаться с людьми – это очень плохая идея. Сближаться опасно. Возможно, когда он отойдет от дел, все станет иначе.

Билли покупает навороченный бургер с кучей овощей и устраивается на скамейке с Адвокатом Джимом (на самом деле его зовут Джим Олбрайт).

– Ну-ка, попробуйте. – Он протягивает Билли жирное луковое кольцо. – Чертовски вкусно.

Кольца действительно хороши. Билли говорит, что, пожалуй, тоже возьмет себе немного, и Джим Олбрайт одобрительно кивает: «А то!» Билли покупает кольца в бумажном поддончике, берет кетчуп и возвращается к Джиму.

– Так о чем ваша книга, Дэйв?

Билли подносит к губам указательный палец:

– Секрет фирмы.

– Даже если я подпишу соглашение о неразглашении конфиденциальной информации? Джонни Колтон – спец по таким бумагам. – Он указывает на одного из своих коллег у мексиканского фургона.

– Все равно не расскажу.

– Да вы могила! А я думал, писателям только дай потрепаться о работе.

– Смею предположить, тот, кто много говорит, мало пишет, – замечает Билли. – Впрочем, других писателей, кроме себя самого, я не знаю, так что утверждать не берусь. – Тут он говорит (и не только затем, чтобы сменить тему): – Взгля-

ните на того парня у фургона с хот-догами. Не каждый день увидишь такой прикид.

Человек, на которого он указывает, подошел к толпе у мексиканского фургончика. Он выделяется даже среди своих коллег из КАЛа: золотистые штаны-парашюты возвращают Билли прямиком в его теннессийское детство (так наряжались по пятницам городские модники, когда шли на танцы в «Роллердом»), рубашка в «огурец» с высоким воротником, какие носили рокеры Британского вторжения (на «Ютьюбе» еще есть старые видео с ними); завершает ансамбль шляпа-поркпай, из-под которой на плечи волнами спадают пышные черные волосы.

– Это Колин Уайт, – со смехом отвечает Джим. – Ну и видок, а? Гей до мозга костей и жизнерадостен, как воскресный полдень в Париже. Вообще ребята из КАЛа не особо общаются с остальными: понимают, что зарабатывать на пиво и «Скиттлз» вымогательством не круто. Но Колин – душа любой компании. – Джим качает головой. – По крайней мере за обедом. Уж не знаю, как он себя ведет при исполнении – как выбивает из нищих старушек и обездоленных ветеранов последние гроши... Но дело свое он знает: текучка кадров в их компании приличная, а работает он здесь дольше меня.

– Вы тут давно?

– Полтора года. Иногда Колин приходит на работу в килте. Серьезно! А иногда в мантии. Еще у него есть прикид Майкла Джексона – помните, парадный китель с эполетами,

галунами и медными пуговицами?

Билли кивает. Колин Уайт в этот момент держит в руках картонную коробку с двумя тако. Он останавливается поболтать с Филлис: от его слов та запрокидывает голову и хохочет.

– Ну разве не душка? – с искренним восхищением и нежностью произносит Джим.

Филлис отходит в сторону и присоединяется к группке других женщин. Двое коллег Колина Уайта на скамейке раздвигаются, освобождая ему местечко. Прежде чем сесть, он исполняет изящный поворот вокруг своей оси – Парень в Перчатке мог бы им гордиться. Роста он не слишком высокого, пять футов девять дюймов, десять от силы. Вот и очередная часть плана родилась. Возможно. Четвертый уровень парковки, несколько ноутбуков, а теперь и Колин Уайт. Птица с диковинным оперением.

Днем он ставит «мак» играть с самим собой в криббидж (первый «игрок» всякий раз думает пять секунд, прежде чем сделать ход) и заодно настраивает программу так, чтобы второй «игрок» всегда одерживал победу. Это отвлечет любопытных минимум на час. Затем он врубает свой личный «мак», опять идет на «Амазон» и покупает там два парика: светлый с короткими волосами и черный с длинными. В иных обстоятельствах он заказал бы доставку в пункт самовывоза, но сейчас это не имеет смысла: в день, когда все случится, полиция еще до захода солнца установит личность Дэвида Локриджа.

Позаботившись о париках, он кладет один чистый блокнот «Стейплз» рядом с личным ноутбуком и пускается в виртуальный тур по съемным домам и квартирам. Он находит несколько подходящих вариантов, но ехать на объекты не спешит – сперва нужно получить товары с «Амазона».

Уже в два часа дня он заканчивает виртуальные поиски жилья. Домой ехать рановато. Пора наконец взяться за перо. Билли много об этом думал. Поначалу он хотел писать на своей машинке. Если делать это на «макбуке», его работодатель – а возможно, и «литагент» – могут тайком читать его писанину (невольно вспоминаются телекраны из «1984»). Но разве Ник и Джорджо не заподозрят неладное, если за-

глянут к нему в компьютер и не обнаружат там ни единого текстового файла? Заподозрят, конечно! Вслух они ничего не скажут, но это может натолкнуть их на мысль, что Билли куда лучше разбирается в компьютерной безопасности и хакинге, чем они думали.

Есть еще одна причина писать на «макбуке», пусть за ним и следят. Это – испытание. Сможет ли он написать историю собственной жизни от имени «тупого я»? Затея рискованная, но вполне осуществимая. Написал же Фолкнер «Шум и ярость». Еще один хороший пример – «Цветы для Элджернона» Дэниела Киза. Наверняка есть и другие.

Билли закрывает криббидж и создает новый вордовский документ. Озаглавливает его **«История Бенджи Компсона»** – намек на роман Фолкнера, которого ни Маджарян, ни Свиньелли, конечно, не поймут. Несколько секунд он просто сидит, барабанив пальцами по груди и уставившись в пустой экран.

Это слишком рискованно. Безумие.

Но ведь это мое последнее дело, думает он и набирает на клавиатуре первое предложение, которое давно приберегал на этот случай.

Сначала Билли пишет неграмотно. Еще у него скачут времена. По мере взросления героя речь становится более грамотной и литературной.

Однажды мамин хахаль вернулся домой с поломанной рукой.

Он смотрит на эти слова почти целую минуту, затем печатает дальше.

Я даже не помню как его звали. Но он был очень зол. Сперва наверное ездил в больницу потому что рука была в гипсе. Моя сестра

Билли мотает головой и переписывает первый абзац. Так вроде бы лучше.

Однажды мамин хахаль вернулся домой с поломанной рукой. Видать он сперва ездил в больницу потому что рука у него была в гипсе. Моя сестра пыталась испечь печенье и сожгла весь противень. Видать не уследила за временем. Он вернулся злющий как собака. Он убил мою сестру а я даже не помню как его звали.

Билли глядит на написанное и думает, что ему это по силам. Больше того: ему это нравится. Если бы десять минут назад его спросили, как было дело, он сказал бы: *Толком не помню, разве что в общих чертах.* Но теперь все иначе. Один-единственный короткий абзац отомкнул дверь и распахнул окно в прошлое. Билли помнит запах жженого сахара и видит сочащийся из духовки дым, и черный скол эмали на боку плиты, и цветы в чашке на столе, и слышит детское пение с улицы: «Одна к’ртошка, две к’ртошки, три к’ртошки, четыре!» Он помнит тяжелое *бум-бум-бум* сапог по лестнице. Сапог маминого хахалю. А теперь и его имя всплыло в памяти. Звали его Боб Месс. Когда он поколачивал маму, Бил-

ли думал: *Боб Месс. Боб месит мою ма.* Она потом всегда улыбалась и говорила: *Он не хотел.* И еще: *Я сама виновата.*

Билли пишет полтора часа. Его так и тянет вперед, но он сдерживается. Если Ник, или Джорджо, или даже Элвис наблюдают, у них не должно возникнуть подозрений. «Тупое я» пишет медленно, в час по чайной ложке. Каждое предложение дается ему с великим трудом. Ладно хоть орфографические ошибки можно не оставлять: те, что компьютер не исправляет автоматически, подчеркиваются красным.

В четыре часа дня Билли сохраняет написанное и закрывает документ. Удивительное дело: ему не терпится вновь взяться за работу завтра утром. Продолжить начатое.

Может, он и в самом деле писатель?

Вернувшись в Мидвуд, Билли обнаруживает на входной двери записку – приглашение на ребрышки на гриле с салатом и вишневый пирог к Рагландам. Он идет без особого энтузиазма, только чтобы их не обидеть, зная, что после ужина все усядутся поболтать за баночкой какого-нибудь газированного пойла, будут ругать студентов-коммунистов или грязных мигрантов. Билли ждет потрясение: Пол и Дениз Рагланд голосовали за Хиллари Клинтон и терпеть не могут Трампа, которого называют «Президентом Нытиком». Это еще раз доказывает, думает Билли по дороге домой, что нельзя судить человека по его майке.

Он уже здорово втянулся в сериал «Озарк» и собирается включить третью серию, когда на телефон – на мобильный Дэйва Локриджа – приходит сообщение. Джордж Руссо, его заботливый литагент, желает знать, как прошел первый день на работе.

Д. Лок: Неплохо. Начал писать.

Дж. Руссо: Это радует! Может, бестселлер накатаешь. Заскочишь к Н. в чт вечером? В 19:00. Поужинаем. Он хочет с тобой поболтать.

Стало быть, Ник все еще в городе. Наверное, ждет не дождется, когда отчалит в Вегас.

Д. Лок: Ага. Но без Х.

Дж. Руссо: Никакого Х.!

Вот и славно. Когда мне скажут, что с Хоффом можно больше не общаться, я запрыгаю от счастья, думает Билли.

Он выключает телевизор и ложится спать. Сон приходит легко – и незадолго до рассвета так же легко превращается в кошмар. Который он запишет завтра от имени Бенджи Компсона. Только слегка изменит имена, чтобы защитить всех причастных.

Однажды мамин хахаль вернулся домой с поломанной рукой. Видать он сперва ездил в больницу потому что рука у него была в гипсе. Моя сестра пыталась испечь печенье и сожгла весь противень. Видать не уследила за временем. Он вернулся злоющий как собака. Он убил мою сестру а я даже не помню как его звали. Входит в дом и давай орать. Я сидел на полу трейлера и складывал пазл из 500 деталей, должны были получиться котята которые играют с клубком. Перегаром от него разило даже сквозь запах горелого печенья. Я потом узнал что он с кем-то подрался в таверне «Валлис». Видимо ему здорово досталось потому что под глазом у него был фингал. Моя сестра

Ее звали Кэтрин, но Билли придумает другое имя. Почти такое же, но не совсем. Кэтрин Энн Саммерс. Ей было девять, когда она умерла. Белокурая. Маленькая.

Моя сестра Кэсси сидела за столом за которым мы обычно ели, и раскрашивала раскраску. Ей исполнилось бы 10 через 2 или 3 месяца и она очень хотела чтобы ее возраст писался двумя цифрами а не одной. Мне было 11 и я должен был за ней приглядывать.

Он орал и махал руками на дым который повалил из печки как раз когда он пришел. И все время твердил что вы наделали что вы натворили. Кэти

Билли быстро стирает имя сестры, надеясь, что никто ничего не заметил.

Кэсси сказала ой у меня же печенье я забыла оно наверное сгорело прости. А он сказал ах ты дура ах ты сука дрянь.

Он открыл дверцу духовки и оттуда повалил дым. Будь у нас детектор дыма он точно сработал бы но в нашем трейлере такого нет. Он взял кухонное полотенце и стал разгонять дым. Я хотел встать чтобы открыть дверь на улицу только она уже была открыта. Он полез в печку доставать противень. Схватил его здоровой рукой но полотенце соскользнуло и он обжегся и рассыпал печенье по всему полу. Печенье которое мы с Кэсси вместе вырезали формочками. Кэсси встала хотела прибраться и тут он начал ее убивать. А может это случилось сразу как только он врезал ей рукой в гипсе прямо по голове и она отлетела к стенке. Она отключилась тут же как лампочка но может быть еще была жива когда он начал пинать ее своими сапогами для мотоцикла который ма называла моциком.

Прекрати ты ее убиваешь сказал я но он не перестал пока я не сказал хватит сволочь подонок трус ты поганый ПРЕКРАТИ БИТЬ МОЮ СЕСТРУ. Я бросился на него и он меня оттолкнул

Билли встает и подходит к окну кабинета – теперь это его кабинет, так ведь? По ступеням здания суда ходят туда-сюда люди, но он на них не смотрит – он идет в мини-кухню попить воды. Немного проливает на стол, потому что не мо-

жет унять дрожь в руках. Руки у него никогда не дрожат перед выстрелом – перед выстрелом они тверды, как камень, – а сейчас его потряхивает. Несильно. Но вода все же льется мимо. Рот и горло пересохли, и он выпивает целый стакан.

Он вспомнил все, и теперь ему стыдно. Билли решает на время оставить кусок про то, как он бросился на Боба Месса. На самом деле в его поступках не было ничего героического, и правда невыносима. Он не бросался на Боба, когда Боб пинал его сестру, топтал ее, ломал ее хрупкую грудную клетку, на которой уже никогда не появятся груди. Билли должен был приглядывать за Кэти. *Приглядывай за сестрой*, всегда говорила ма на прощанье, уходя на работу в прачечную. А он недоглядел. Он просто убежал. Убежал и спрятался.

Даже тогда, вспоминает Билли, возвращаясь к столу и ноутбуку, даже тогда у меня в голове была эта мысль. Ведь я побежал не в свою комнату.

– Я побежал в спальню, – говорит Билли и вновь садится за работу.

Я бросился на него и он меня оттолкнул а я встал и побежал через весь трейлер в ихнюю комнату и захлопнул дверь. Он давай молотить по ней кулаками и ругать меня последними словами и кричать открывай дверь Бенджи мать твою иначе пожалеешь. Только я знаю открою я дверь или нет он все равно убьет меня как Кэсси. Потому что она умерла и даже ребенку это ясно.

Мамин хахаль раньше служил в армии и привез

оттуда рундук для личных вещей. Этот рундук стоял у него в ногах под покрывалом. Я стянул покрывало и открыл рундук. Он с замком но хахалю лень его запирать. Если б он его запер я сейчас это не писал бы потому что был бы мертв. И пистолет оказался заряжен, иначе я тоже умер бы. Но я знал что он всегда заряжен на случай если в дом залезут зломудышленники, так он их называл.

Зломудышленники, думает Билли. Господи, как будто все было вчера.

Он выбил дверь как я догадывался

Не догадывался, думает Билли, – знал. Потому что дверь была хлипкая, из тонкого оргалита. Билли и Кэти часто слышали, как взрослые занимались этим у себя в спальне – почти каждую ночь. И днем тоже, если ма рано приходила с работы. Но про это он тоже писать пока не будет.

и когда он вломился в комнату я сидел на полу прижавшись спиной к кровати и целился в него из пистолета. Это был М9х19 с 15 патронами Парабеллум. Тогда я этого не знал но я знал что пистолет тяжелый и держал его обеими руками у самой груди. Он сказал а ну отдай уродец ты разве не знаешь что это не игрушка.

Вобщем я его застрелил прямо в грудь. Он просто стоял в дверях как будто ничего не случилось но я знал что случилось потому что сзади брызнула кровь. М9 дернулся и толкнул меня в грудь

Билли помнит, как охнул. И рыгнул. А потом у него появился синяк над грудиной.

а он упал. Я подошел и сказал себе что может быть придется застрелить его еще раз. Я бы застрелил. Он был мамин хахаль, но он поступил плохо. Он был плохой человек!

– Но он был мертв, – вслух говорит Билли. – Боб Месс умер.

Его охватывает желание стереть этот ужас. Но он сохраняет документ. Что бы там ни подумали про его текст другие, Билли он нравится. Даже хорошо, что получилось так ужасно, потому что правда бывает ужасна. Видимо, он теперь в самом деле писатель – даже думает как писатель. Эмиль Золя наверняка думал так же, когда создавал «Терезу Ракен» или когда описывал больную, гниющую заживо Нану.

Лицо горит. Билли вновь идет в мини-кухню и брызгает водой себе на лицо. Воспоминания о том, как он застрелил Боба Месса, его не волнуют, а вот вспоминать Кэти больно.

Приглядывай за сестрой.

Как это, оказывается, здорово – писать. Он всегда об этом мечтал, и вот он пишет. Здорово. Но кто мог знать, что это так больно?

Звонит стационарный телефон. От неожиданности Билли подскакивает на месте. Ирв Дин сообщает, что ему пришла посылка с «Амазона». Билли благодарит и говорит, что сейчас спустится и заберет.

– Чего только там не продается! – восклицает Ирв.

Билли соглашается, а сам думает: *Вы и половины не знаете.*

Это еще не парики. «Амазон» доставляет быстро, но не настолько; парики придут завтра. Сегодня ему привезли то, что поместится в тайник над дверью между кабинетом и кухней, но Билли не собирается хранить это там. Все добро с «Амазона» он отвезет в мидвудский желтый домик.

Открыв коробку, он по одной достает оттуда купленные вещи. Из гонконгского магазинчика «Фан-тайм» ему приехали усы из натуральных человеческих волос. Светлые – как один из париков. Они слегка лохматы и густоваты, надо будет подровнять. Он ведь хочет слиться с толпой, а не привлекать к себе внимание. Следующий предмет – очки в роговой оправе с прозрачными стеклами. Найти их оказалось на удивление непросто. Очки для чтения можно купить в любой аптеке, но у Билли очень острое зрение, 20/10, и от любых диоптрий начинает болеть голова. Он примеряет очки. Сидят чуть свободнее, чем хотелось бы. Можно немного подкрутить винты, а впрочем, необязательно: сползающие на нос очки придадут ему ученый вид.

Последний, самый дорогой, предмет – это *pièce de résistance*¹². Накладной силиконовый живот, который можно купить на «Амазоне» в магазине «Мам-тайм». Стоит он немало, потому что размер регулируется: можно изобразить

¹² Главное блюдо, гвоздь программы (фр.).

шестимесячный животик, а можно и девятимесячный. Застегивается он на липучки. Билли знает, что такими животами часто пользуются магазинные воришки: охранников гипермаркетов даже специально об этом предупреждают при приеме на работу. Но Билли приехал в Ред-Блафф не воровать, и носить этот живот – когда придет время – будет не женщина.

Его будет носить он сам.

Глава 5

1

В четверг Билли подъезжает к временному дворцу Ника незадолго до семи часов вечера. Он где-то прочитал, что вежливый гость приходит ровно за пять минут до назначенного времени – ни минутой раньше или позже. На сей раз его встречает Поли. Ник опять поджидает внутри, подальше от камер пролетающих мимо полицейских дронов (маловероятно, но мало ли). Улыбка на максимум, руки раскинуты в стороны и готовятся заключить Билли в дружеские объятия.

– Сегодня в меню шатобриан. Я нанял повара – не знаю, что он забыл в этом захудалом городишке, но готовит отменно. Тебе понравится. И не объедайся сразу, побереги местечко. – Он отстраняется от Билли и хрипло шепчет: – До меня дошли слухи, что нас ждет «Запеченная Аляска». Обеды из микроволновки тебе небось уже надоели, а? А?

– Порядком надоели, – кивает Билли.

Появляется Фрэнк. На нем розовая рубашка с галстуком-пластроном, а волосы уложены сверкающими волнами высоко над вдовьим мыском, как у Эдди Мюнстера из «Семейки монстров». Словом, он выглядит как отпетый бандит из гангстерского фильма, которого должны порешить на пер-

вых минутах. В руках у него поднос с большой зеленой бутылкой и бокалами.

– Шампусик. «Моте и Шандон».

Он ставит поднос на стол и мастерски извлекает пробку из бутылки. Никаких брызг, даже хлопка не слышно. Может, Фрэнки Элвис не умеет читать по-французски, но шампанское открывает великолепно. И разливает тоже.

Ник поднимает бокал. Остальные следуют его примеру.

– За успех!

Билли, Поли и Фрэнк чокаются и выпивают. Шампанское приятно ударяет в голову, но от второго бокала Билли отказывается.

– Я за рулем. Не хочу, чтобы меня остановили.

– В этом весь Билли, – говорит Ник своим амиго. – Все продумывает на два хода вперед.

– На три, – поправляет его Билли, и Ник смеется, как будто не слышал ничего смешнее с тех пор, как умер Хенни Янгмен. Амиго прилежно смеются вместе с ним.

– Ладно, – объявляет Ник. – Хватит с нас шипучки. *Mangiamo, mangiamo*¹³.

Ужин в самом деле отменный: на первое подают французский луковый суп, затем маринованную в красном вине говядину, а на десерт – обещанную «Запеченную Аляску». Все, кроме десерта, приносит угрюмая женщина в белой форме. Десерт вкатывает на тележке сам шеф-повар. Выслушав ап-

¹³ Давайте есть (*ит.*).

лодисменты и комплименты, он благодарно кивает и удаляется.

Ник, Фрэнк и Поли ведут беседу – главным образом о Вегасе: кто где играет, кто где строится и кто подал документы на игорную лицензию. Как будто не понимают, что Вегас безнадежно устарел, дивится Билли. Возможно, они действительно об этом не догадываются. Джорджо так и не приходит. Когда после ужина официантка приносит всем ликер, Билли отказывается. Ник тоже.

– Мардж, вы с Аланом можете идти домой, – говорит Ник. – Было очень вкусно, благодарю.

– Спасибо, но мы только начали все убирать...

– Уборка может подождать до завтра. Вот. Передай это Алану. На такси, как говорил мой папаша. – Он сует официантке несколько купюр, она обещает все передать и уже собирается уходить, когда Ник ее окликает: – Ах да, Мардж!

Она оборачивается.

– Вы ведь не курили в доме?

– Нет.

Ник кивает.

– Поторопитесь, ладно? Билли, идем в гостиную – надо перетереть. А вы, ребятки, займитесь чем-нибудь.

Пол говорит Билли, что был рад встрече, и направляется к выходу. Фрэнк выходит вслед за Мардж в кухню. Ник бросает салфетку в размазанные по тарелке остатки десерта и уходит Билли в гостиную. В дальнем конце громоздится камин

(в таком и Минотавра можно зажарить), в нишах красуются статуи, а на потолке – порноверсия Сикстинской капеллы.

– Круто, да? – спрашивает Ник, обводя взглядом убранство.

– Очень, – отвечает Билли, а сам думает, что если ему придется просидеть в этой комнате хотя бы час, он сойдет с ума.

– Садись, Билли, в ногах правды нет.

Билли садится.

– А где Джорджо? Вернулся в Вегас?

– Может быть, – отвечает Ник. – А может, он в Нью-Йорке. Или в Голливуде – встречается с киношниками насчет экранизации одной отличной книжки.

Читай – не твоего ума дело. Что ж, Ника можно понять. Билли ведь просто его подчиненный. Вольный стрелок, как говорили в старых вестернах, которые так любил мистер Степенек.

При мысли о мистере Степенке Билли сразу представляет себе тысячу разбитых автомобилей – по крайней мере ребенком ему казалось, что их там тысяча, а может, столько там и было, – с потрескавшимися лобовыми стеклами, мерцающими на солнце. Сколько лет он не вспоминал про автомобильное кладбище? Дверь в прошлое теперь открыта. Билли может захлопнуть ее и запереть, но не хочет. Пусть оттуда дует ветер. Он холодный и свежий, а в его комнате давно стоит духота.

– Алло, Билли. – Ник щелкает пальцами. – Билли, прием!

– Я тут.

– Да? А то мне на минутку показалось, что я тебя потерял.

Слушай, ты в самом деле что-то пишешь?

– Пишу, – признается Билли.

– Про свою жизнь? Или выдумываешь?

– Выдумываю.

– Не про Арчи Эндрюса и его друзей, а? – Улыбается.

Билли мотает головой, тоже с улыбкой.

– Говорят, многие писатели, впервые взявшись за перо, берут за основу собственный опыт. «Пиши то, о чем знаешь» – помню, нас даже на английском так учили, в старших классах. Школа «Парамус-хай», «Вперед, спартанцы», все дела. Это, случайно, не про тебя?

Билли изображает рукой качели. И тут его якобы озаряет:

– Слушай, а ты что, читаешь мою писанину? – Опасный вопрос, но он ничего не может с собой поделаться. – Просто мне бы не хотелось...

– Ты что! Нет, конечно! – восклицает Ник. Он так удивлен – даже шокирован, – что Билли сразу понимает: лжет. – Зачем мне за тобой подсматривать, даже если бы я мог?

– Ну, не знаю, мало ли... – Билли пожимает плечами. – Короче, мне не хочется, чтобы кто-то это читал. Я ж не писатель, просто пытаюсь вжиться в роль. Время коротаю. Мне стыдно кому-то это показывать.

– Ты ведь запаролил ноутбук?

Билли кивает.

– Ну и все. Значит, никто ничего не увидит. – Ник подается вперед, его карие глаза заглядывают в глаза Билли. Он переходит на заговорщицкий шепот, как в самом начале, когда по секрету сообщал Билли о «Запеченной Аляске». – У тебя там клубничка, что ли? Групповухи и все такое?

– Нет, нет, что ты. – Пауза. – Не совсем.

– Мой тебе совет: добавь секса. Он всегда хорошо продается. – Ник хохочет и идет к бару в дальнем конце гостиной. – Плесну себе бренди. Будешь?

– Нет, спасибо. – Дождавшись возвращения Ника, Билли спрашивает: – Про Джо ничего не слышно?

– Не-а, все по-старому, все по-старому. Его адвокат оспаривает решение об экстрадиции, как я тебе уже говорил. В общем, пока все подвисло – судья Джонни ушел в отпуск.

– Но Джо не запел?

– Если б запел, я точно узнал бы.

– Может, с ним какое-нибудь несчастье в тюрьме случится. И тогда некого будет экстрадировать.

– За ним там хороший присмотр. Его в одиночку перевели, помнишь?

– А, да. Точно. – *Как удобно*, хочется сказать Билли, но он оставляет эти слова при себе. Лучше не умничать.

– Потерпи, Билли. Обживайся потихоньку. Фрэнки говорит, ты уже начал знакомиться с соседями?

Ага. В своем районе он Фрэнка ни разу не видел, зато Фр-

энк видел его. Выходит, Ник не только заглядывает в его новый крутой ноутбук, но и дома его пасет. Опять невольно вспоминается «1984».

– Да, начал.

– А на работе?

– Там тоже, конечно. В обеденный перерыв толкусь возле фургончиков с едой.

– Вот и славно. Тебе надо слиться с пейзажем. Стать частью пейзажа. У тебя это здорово получается. В Ираке тоже небось получалось?

Везде получалось, думает Билли. С тех пор, как я убил Боба Месса.

Ладно, пора менять тему.

– Ты говорил, будет какой-то отвлекающий маневр. Мол, обсудим позже. Позже уже наступило?

– Да. – Ник отпивает бренди, полощет им рот и проглатывает. – Я как раз собирался обсудить с тобой одну идею. Отвлекающий маневр – это дымовые шашки. Слыхал про такие?

Билли, конечно, слыхал, но мотает головой.

– Их еще используют на рок-концертах. Сперва они громко взрываются, вспыхивают, а потом из них валит дым. Типа, как из гейзера. Когда я узнаю, что Джо наострил лыжи в наши края, мы разместим парочку таких шашек рядом со зданием суда. Поли предлагал на парковке пошуметь, но это слишком далеко. Да и на хрен террористам парковку взры-

вать?

Билли не скрывает своего беспокойства.

– Надеюсь, прятать эти штуки ты поручишь не Хоффу?

Ник больше не полощет рот, просто заглатывает бренди в один присест. От удивления его разбирает кашель, а потом смех.

– Думаешь, я идиот? Поручу важное дело эдакому *grande figlio di puttana*¹⁴, как он? Печально, что ты обо мне такого мнения! Нет, у меня свои люди будут работать. Хорошие ребята. Надежные.

Билли думает: ага, ты не хочешь, чтобы Хофф закладывал шашки, потому что это может выйти боком тебе. Зато ты поручил ему добыть ствол и спрятать его на стрелковой позиции, потому что это может выйти боком только *мне*. По-твоему, я совсем тупой?

– Когда здесь все закрутится, сам я укачу в Вегас, но Фрэнки Элвис, Поли Логан и еще двое моих парней будут здесь. Если тебе что-то нужно, говори, они помогут. – Он снова наклоняется вперед, весь такой серьезный, честный, улыбочивый. – Красиво получится! Сначала ты шмальнешь из винтовки, все испугаются, и тут – БАХ! БАХ! – одна за другой взрываются шашки. Все, кто до сих пор не убежал, точно побегут, роняя тапки и вопя как ненормальные. Перестрелка! Террористы-смертники! «Аль-Каида»! ИГИЛ! Или еще кто! А в чем вся фишка и красота? В суматохе никто не постра-

¹⁴ Сукин сын (*ит.*).

дает, максимум кто-нибудь с перепугу даст стрекача и сломает ногу. Кроме Джоэла Аллена, конечно, – это его настоящее имя. Короче, Корт-стрит в панике, и тут пришла пора поговорить о том, что я уже давно хочу с тобой обсудить.

– Давай.

– Я знаю, ты привык сам скрываться с места преступления. И ты знаешь в этом толк – чертов Гудини, ей-богу, – но мы с Джорджо кое-что придумали. Дело такое... – Ник качает головой. – Черт возьми, это будет непросто, даже для тебя, и даже если мы поседем панику в толпе. А мы ее поседем. Я тебе так скажу: если ты уже все придумал, валяй, делай по-своему, но если нет...

– Не придумал. – На самом деле картинка уже вырисовывается. Но Нику об этом знать необязательно. Билли расплывается в широкой туповатой улыбке. – Всегда рад тебя выслушать, Ник.

К одиннадцати часам вечера он возвращается домой (да, теперь это его дом, пусть и временный). Все товары с «Амазона» надежно спрятаны в шкафу. Он не трогал бы их до тех пор, пока не получил бы известие о том, что Аллен выехал из Лос-Анджелеса на восток, но теперь все изменилось. Билли беспокоен.

Черный парик пусть останется здесь. Остальное Билли относит в машину и убирает в багажник. Чем особенно хороша и удобна его история про писателя, снявшего офис в «Башне Джерарда»? А тем, что он не обязан работать по графику. Может приходить поздно, а уходить рано, может прогуляться, если захочет. Людям может врать, что обдумывает новую идею. Или наводит справки. Или просто решил отдохнуть. Завтра он отправится пешком к дому номер 658 по Пирсон-стрит – это в девяти кварталах от «Башни Джерарда». На границе центра и городских окраин стоит трехэтажный жилой дом. Билли уже осмотрел его на сайте недвижимости «Зиллоу», но этого мало. Надо все увидеть самому.

Он запирает машину и идет обратно в дом. Новенький блестящий «мак» он взял с собой и уже поставил на кухонный стол. Теперь он открывает его и читает то, что успел написать от имени Бенджи Компсона. Текста немного, пара страниц. Заканчивается все тем, как Бенджи застрелил Бо-

ба Месса. Он перечитывает текст три раза, пытаясь увидеть написанное глазами Ника. Ник точно это читал – после его шуточки про то, что начинающие писатели пишут про себя, Билли в этом не сомневается.

Скрывать свое детство от Ника в его планы не входит: тот, конечно, и так все знает. А вот «тупое я» надо беречь, по крайней мере пока. Он не сможет уснуть, не убедившись, что на этих двух-трех страницах нет чего-то такого, что делает его слишком умным. Поэтому он перечитывает текст в четвертый раз.

Наконец Билли выключает компьютер. Ничего сложного там нет – любой троечник такое сочинит, если будет просто писать по памяти. Орфографических ошибок почти нет, но Ник спишет это на автозамену. Пунктуация, конечно, хромает (допустим, на голубые подчеркивания Билли просто не обращает внимания). Хотя «Ворд» не видит разницы между «надел» и «одел», многое он исправляет сам, а остальное подчеркивает. Даже самые вопиющие грамматические ляпы замечает. Времена глаголов в повествовании скачут, и это хорошо, потому что распознать такое компьютеру не по зубам... впрочем, придет день, когда он будет способен и на это.

И все же ему беспокойно.

У него нет ни единой причины не доверять Нику. Он, конечно, плохой человек, но с Билли он всегда был честен. А тут начал юлить. Раньше он не стал бы врать, что клониро-

вал «мак» – да и клонировать его не стал бы, если уж на то пошло. Вряд ли с заказом возникнут какие-то серьезные проблемы. Четверть суммы – пятьсот тысяч долларов, деньги немалые – он уже получил... Но что-то здесь неладно. Самую малость. Как в некоторых фильмах: оператор располагает камеру под наклоном, немного заваливает горизонт, чтобы дезориентировать зрителя. Киношники называют такой прием «голландский угол». Вот и в этом деле горизонт малость завален. В глаза не бросается – вроде бы нет причин послать всех к чертям и свалить (хотя ему не дадут этого сделать, раз он уже согласился). Однако Билли беспокоится.

Да еще этот странный план побега, которым его только что огорошил Ник. *Если ты уже все придумал, валяй, делай по-своему, но если нет, у нас с Джорджи появилась одна неплохая идея.*

Проблема этой идеи не в том, что она плоха, нет. Идея всем хороша. Но Билли привык сам решать, как ему исчезнуть с места преступления, и тот факт, что Ник захотел в это влезть... Ну...

– Горизонт завален, – бормочет Билли, стоя в пустой кухне.

Ник сказал, что шесть недель назад, когда все понемногу начало вырисовываться, он отправил Пола Логана в Мейкон и велел приобрести там фургон «форд-транзит», не новый, но и не совсем развалюху. Такие «транзиты» – рабочие лошадки городского управления жилищно-коммунального хо-

зьяства; Билли не раз видел их на улицах Ред-Блаффа: желто-голубые фургоны с девизом «МЫ ЗДЕСЬ, ЧТОБЫ СЛУЖИТЬ» на боках. Купленный Фрэнком коричневый «транзит» стоит теперь в гараже на окраине города. Он уже покрашен в цвета коммунальных служб, с девизом на боках.

— Когда я узнаю, что Аллена вот-вот экстрадируют, мы возьмемся за дело, — сказал Ник, потягивая бренди. — Ребята, о которых я тебе говорил, начнут появляться в разных местах города на этом фургоне и изображать бурную деятельность. Подолгу задерживаться на одном месте не будут, но и далеко от «Башни Джерарда» и здания суда не уедут. Часик тут, пару часов там. Сольются с пейзажем, иными словами. Прямо как ты, Билли.

В день приезда Аллена липовый фургон коммунальных служб встанет за углом «Башни Джерарда». Липовые коммунальщики откроют канализационный люк и начнут там копаться. Когда прогремит выстрел и повалит сигнальный дым, народ начнет разбегаться, включая сотрудников «Башни» и Билли Саммерса, который побежит за угол и нырнет в фургон. Там он быстренько переоденется в комбез коммунальщика.

— Фургон подкатит к зданию суда. Копы уже на месте, мои ребята — и ты — вываливаетесь из фургона и спрашиваете, чем можно помочь. Может, улицу забаррикадировать или еще что. В суматохе это будет выглядеть на сто процентов достоверно. Соображаешь?

Билли соображал. Идея была отличная, смелая.

– Копы...

– ...наверняка пошлют нас куда подальше, – вставил Билли. – Мы все-таки гражданские, хоть и коммунальщики. Правильно?

Ник засмеялся и захлопал в ладоши.

– Вот! Те, кто говорит, что ты тупой, врут! Мои ребята ответят: «Хорошо, сэр, как скажете», – и вы уедете. И будете ехать еще долго-долго. Только сперва транспорт поменяете, конечно.

– Куда будем ехать?

– Де-Пер, Висконсин, за тысячу миль отсюда. Там есть где спрятаться. Побудешь пару дней на нашей квартирке, отдохнешь, проверишь банковский счет – пришел ли остаток денег, подумаешь, на что их потратить. А потом ты свободен. Как тебе такой план?

Хороший план. Даже слишком хороший. Подстава? Вряд ли. Если кого-то в этом деле и подставят, так это Кена Хоффа. Неожиданное предложение Ника так покорило Билли лишь потому, что он не привык полагаться на других, планируя отступление. Не по душе ему это. Но свои сомнения лучше оставить при себе.

– Дай мне все обдумать, хорошо?

– Не вопрос, – ответил Ник. – Времени хоть отбавляй.

Билли вытаскивает из стенного шкафа в спальне чемодан. Кладет его на кровать, расстегивает. На первый взгляд чемодан пуст, но это не так. На дне есть незаметный отсек на липучке. Билли поднимает подкладку и достает маленький плоский футляр, какой умные люди – те, что предпочитают чтиво посложнее «Арчи», – назвали бы портмоне. Внутри лежит бумажник с кредитками и водительскими правами на имя Далтона Кергиса Смита из города Стоу, штат Вермонт.

За годы работы Билли сменил немало бумажников с кредитками и документами. Нет, ему не приходилось менять имя после каждого убийства, но раз десять он точно это делал, включая последнего персонажа по имени Дэвид Локридж. У некоторых из его прошлых личностей документы были хорошие, у других похуже. Кредитки и водительские права Дэвида Локриджа очень хороши, но те, что лежат в плоском сером футляре, гораздо лучше. То, что там лежит, – просто золото. Он собирал их пять лет; пять лет назад Билли взялся за эту работу, вкладывая в нее всю душу, чтобы в один прекрасный день раз и навсегда бросить занятие, которое делает его – да, пора уже это признать – плохим человеком.

Далтон Смит – это не просто бумажник фирмы «Лорд Бакстон» с более-менее качественными поддельными пра-

вами внутри, Далтон Смит – это практически реальный человек. «Мастеркард», «американ экспресс», «виза» – всем этим регулярно пользуются. И дебетовой картой «Банка Америки» тоже. Не каждый день, но достаточно часто, чтобы счета не простаивали. Кредитная история не безупречная (это может привлечь внимание), но очень хорошая.

Еще там есть донорская карта Красного Креста, карта социального страхования и карточка пользователя «Эппл». «Тупое я» здесь не пригодится; Далтон Кертис Смит – компьютерщик-фрилансер с довольно непыльным приработком, который позволяет ему свободно разъезжать по всему миру. Еще в бумажнике есть фотографии Далтона с женой (они развелись шесть лет назад), Далтона с родителями (погибли в нашумевшей автокатастрофе, когда Далтон был подростком), Далтона с братом (они не разговаривают с тех пор, как братец проголосовал за Нейдера на выборах 2000 года).

Свидетельство о рождении тоже лежит в портмоне, а с ним и рекомендательные письма от благодарных клиентов: частных лиц и небольших фирм, компьютеры которых Далтон когда-то чинил, и еще от хозяев снятых им квартир в Портсмуте, Чикаго и Ирвине. Некоторые из рекомендательных писем подделал умелец из Нью-Йорка Баки Хэнсон (единственный человек на свете, которому Билли полностью доверяет), другие Билли нарисовал сам. Далтон Смит не засиживается подолгу на одном месте. Он – перекаати-поле. Но если надо где-то осесть на несколько месяцев, то никаких

претензий у хозяев квартир к нему нет: он чистоплотный и тихий, платит всегда вовремя.

Смит с его непритязательным, но безукоризненным ре-
номе прекрасен, как нетронутое заснеженное поле. Билли
грустно портить эту красоту – пускать Далтона в оборот. Но
ведь для этого он и был создан, так? Так. Билли выполнит
последний заказ – *пресловутый* последний заказ – и исчез-
нет с лица земли, превратившись в нового человека. Веро-
ятно, он не проживет под этим именем до конца дней своих,
хотя такой расклад тоже возможен – при условии, что ему
удастся сбежать из города. Пятьсот тысяч долларов уже по-
крутились на разных счетах и приземлились на банковский
счет Далтона в Невисе. Полмиллиона – самое верное доказа-
тельство того, что Ник его не кинет. Остальное придет, когда
работа будет выполнена.

На водительских правах есть фотография. На ней запе-
чатлен мужчина возраста Билли, может, на пару лет моложе,
но блондин. И у него есть усы.

Наутро Билли паркуется на четвертом уровне паркинга возле «Башни Джерарда». Внеся некоторые коррективы в свою внешность, направляется в противоположную от офиса сторону. Далтон Смит выходит в первое плавание.

В маленьком городке даже небольшие расстояния имеют значение. Пирсон-стрит находится всего в девяти кварталах от паркинга на Мейн-стрит – каких-то пятнадцать минут быстрым шагом (отсюда по-прежнему хорошо видно «Башню Джерарда»), – но этот мир совсем не похож на тот, что укомплектован ребятами в галстуках и девицами в «щелкунчиках», обедающими в ресторанах, где официант подает тебе не только меню, но и винную карту.

На углу есть небольшой продуктовый, он закрыт. Как часто случается с понемногу приходящими в упадок районами, рядом с домом еды не найти. Есть два бара: один заколочен, другой дышит на ладан. Ломбард, совмещенный с пунктом обналичивания чеков и конторой по выдаче микрозаймов. Чуть дальше – убогий одноэтажный торговый центр. И вереница домов, которые изо всех сил, но безуспешно пытаются выглядеть жильем среднего класса.

Билли считает, что причина упадка этого района кроется в обширном пустыре через дорогу от интересующего его дома. Это большая щебенчатая площадка, заваленная мусором.

Сквозь нее проходят ржавые рельсы железнодорожного пути, едва различимые в зарослях сорной травы и золотарника. Через каждые пятьдесят футов установлены таблички: «МУНИЦИПАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ», «НЕ ВХОДИТЬ», «ОПАСНО». Билли подмечает полуразрушенное кирпичное здание – должно быть, руины железнодорожной станции. Вероятно, сюда же приходили и междугородные автобусы: «Грейхаунд», «Трейлз», «Саутерн». Теперь же весь наземный транспорт куда-то переехал, и этот район, процветавший в последние десятилетия прошлого века, понемногу погибает от муниципальной разновидности ХОБЛ¹⁵. На тротуаре впереди валяется ржавая тележка из супермаркета. К одному из колесиков прицепились драные мужские трусы: их треплет тот же раскаленный ветер, что играет с белокурым париком Далтона Смита и воротником его рубашки.

Большую часть домов давно пора покрасить. Возле некоторых стоят таблички «ПРОДАЕТСЯ». Дом номер 658 тоже нуждается в покраске, но на табличке перед ним написано: «АРЕНДА МЕБЛИРОВАННЫХ КВАРТИР». Под надписью указан телефон риелтора. Запомнив его, Билли поднимается по растрескавшейся бетонной дорожке и разглядывает панель с дверными звонками. Хотя дом трехэтажный, звонков четыре. Подписан только один, второй сверху: «ДЖЕНСЕН». Билли нажимает кнопку. В это время дня вероятность застать кого-то невысока, все на работе, однако на сей раз

¹⁵ Хроническая обструктивная болезнь легких.

удача ему улыбается.

На лестнице раздаются шаги. Сквозь грязное стекло входной двери на него смотрит моложавая женщина. Она видит белого мужчину в хорошей рубашке с расстегнутым воротничком и приличных брюках. Светлые волосы коротко подстрижены. Усы тоже. На носу очки. Он толстоват – ожирение не за горами, – однако производит впечатление порядочного человека. Поэтому миссис Дженсен открывает дверь, но не до конца.

Ничто не мешает мне ворваться и задушить тебя, думает Билли. У дома нет машин, ни на подъездной дорожке, ни возле тротуара, а значит, твой муж на работе. Три неподписанных звонка недвусмысленно намекают на отсутствие других жильцов в этом старом псевдовикторианском доме.

– Покупать ничего не буду, – говорит миссис Дженсен.

– А я ничего и не продаю, мэм. Недавно приехал в город и ищу себе жилье. Здесь вроде бы неплохие квартиры – и мне по карману. Я просто хотел спросить, что вы думаете об этом доме. Меня зовут Далтон Смит.

Он протягивает ей руку. Она из вежливости чуть прикасается к ней и сразу же убирает руку за спину. Но поболтать не отказывается.

– Как видите, район у нас не ахти и до ближайшего супермаркета по меньшей мере миля, но у нас с мужем никаких проблем здесь не возникало. Подростки иногда тусуются в заброшенном железнодорожном депо, пьют и курят травку,

наверное, а за углом живет собака, которая полночи лает, но на этом все. – Она умолкает, и Билли видит, как она опускает взгляд на свою руку – проверяет, на месте ли обручальное кольцо (нет, не на месте). – *Вы-то* не лаете по ночам, мистер Смит? Я имею в виду вечеринки, громкую музыку и все в таком роде.

– Нет, мэ. – Он с улыбкой кладет руку на свое беременное брюшко, надутое до размеров шестимесячного. – А вот поесть люблю.

– Просто в договоре есть пункт про соблюдение тишины.

– Можно узнать, сколько вы платите в месяц?

– Это касается только меня и моего мужа. Если хотите здесь жить, пообщайтесь с мистером Рихтером, это риелтор. В нашем квартале есть еще парочка агентов, но этот мне больше нравится. Вроде бы.

– Прекрасно вас понимаю. Простите великодушно за такой нетактичный вопрос.

Миссис Дженсен слегка оттаивает.

– Я вам не советую брать квартиру на третьем этаже. Там такая душегубка, даже когда ветер дует со стороны депо – а дует он почти все время.

– Кондиционера, как я понимаю, нет?

– Правильно понимаете. Но в холодную погоду топят хорошо. Конечно, за отопление надо платить. И за электричество тоже. Все указано в договоре аренды. Если вы не впервые снимаете жилье, то и сами прекрасно все знаете.

— О да! — Он закатывает глаза и наконец достаивается ее улыбки. Теперь можно задать вопрос, который особенно его интересует. — А внизу что? Квартира прямо в подвале, что ли? Вижу, звонок есть...

Ее улыбка становится шире.

— Да, и квартирка премилая! Полностью обставлена, как написано на табличке. Хотя мебель только самая необходимая. Я вообще-то хотела снять ее, но муж воспротивился: если нам дадут добро, в подвале будет тесновато. Мы пытаемся усыновить ребенка.

Билли искренне удивлен. Она только что открыла ему самое главное о себе — самое главное о своем *браке*, — хотя минутой ранее отказалась выдать, сколько они с мужем платят за квартиру. Арендная плата его не слишком интересовала, спрашивал он просто для правдоподобности.

— Что ж, удачи вам. И спасибо. Если мы с мистером Рихтером сговоримся, вы меня еще увидите. Всего вам доброго.

— И вам. Приятно познакомиться. — На сей раз она пожимает ему руку по-настоящему, и Билли опять приходят на ум слова Ника: *Ты умеешь ладить с людьми, не заводя с ними дружбы*. Приятно знать, что полнота никак не отразилась на этом его даре.

Когда он уже отходит от дома, миссис Дженсен кричит ему вслед:

— Знаете, в подвале даже в жару наверняка прохладно! Эх, жаль, что мы его не сняли!

Билли показывает ей большой палец и уходит обратно в сторону центра. Он увидел все, что хотел, и принял решение. Квартира ему подходит, и Нику Маджаряну не нужно о ней знать.

На полпути обратно ему попадается крохотный захудалый магазинчик, где можно купить сигареты, сладости, журналы, холодные напитки и одноразовые телефоны в коробках-блистерах. Билли покупает один, расплачиваясь наличными, садится на скамейку автобусной остановки и включает. Он воспользуется им столько раз, сколько необходимо, а потом выбросит. Остальные тоже. Копы сразу поймут, что Джоэла Аллена убил Дэвид Локридж (опять-таки если все пройдет как надо). Затем они выяснят, что Дэвид Локридж – псевдоним некоего Уильяма Саммерса, бывшего морпеха с отменными снайперскими навыками и изрядным количеством убитых на счету. Еще они проведут о связи Саммерса с Кеннетом Хоффом, которому отведена роль козла отпущения. Однако про перевоплощение Билли Саммерса в Далтона Смита они не узнают. И Ник тоже.

Билли звонит Баки Хэнсону в Нью-Йорк и велит отправить коробку с надписью «Страховка» по адресу Эвергрин-стрит, 24.

– Ага, стало быть, это конец? Ты в самом деле уходишь в отставку?

– Похоже на то, – отвечает Билли. – Позже все обсудим – при встрече.

– Не вопрос. Главное, чтобы эта встреча состоялась не в тюрьме, куда я приеду тебя навещать. Держись там, старина.

Билли вешает трубку и совершает еще один звонок – Рихтеру, риелтору, который занимается домом номер 658 по Пирсон-стрит.

– Как я понял, вся мебель там есть. А вайфай?

– Секундочку, – отвечает мистер Рихтер.

Проходит почти минута, в трубке шелестит бумага.

Наконец риелтор говорит:

– Да, Интернет провели два года назад, а вот кабельного нет – об этом вам придется позаботиться самому.

– Хорошо, – говорит Билли. – Я готов снять. Можно подъехать к вам в офис?

– Да я и сам могу подъехать, покажу вам квартиру.

– В этом нет необходимости. Мне просто нужна временная база в этой части страны. Может, год или два здесь пробыду. Так-то я почти все время в разъездах. Район мне показался тихим, это главное.

Рихтер смеется.

– Тише не придумашь – с тех пор, как снесли железнодорожную станцию. Но местные не рады: торговля совсем загибается, лучше уж шум потерпеть.

Они договариваются о встрече в следующий понедельник, и Билли возвращается на четвертый уровень парковки, где стоит его «тойота» – местечко он выбирал такое, куда камеры наблюдения не достают. Если эти камеры вообще работа-

ют: вид у них порядком усталый. Билли снимает парик, усы, очки, бутафорский живот. Закинув все это в багажник, шагает в «Башню Джерарда», благо идти недалеко.

Билли приходит вовремя: фургон с мексиканской едой еще стоит на месте. Он съедает буррито в компании Джима Олбрайта и Джона Колтона, адвокатов с пятого этажа. Опять видит в толпе Колина Уайта, денди из КАЛа. В матроске тот выглядит очаровательно.

– Нет, только гляньте на него, – смеется Джим. – Чудо в перьях!

– Ага, – соглашается Билли, а сам думает: чудо в перьях примерно с меня ростом.

Все выходные идет дождь. Субботним утром Билли отправляется в «Уолмарт» и покупает там пару дешевых чемоданов и много дешевой одежды, подходящей по размеру толстяку Далтону Смиуту. За все расплачивается наличными. Наличные имеют склонность к амнезии.

Днем он сидит на крыльце желтого дома и наблюдает за травой на лужайке. Именно наблюдает, а не просто смотрит: трава оживает прямо на глазах. Это не его дом, не его город и не его штат, он уедет отсюда без малейших сожалений, но при виде результатов своего труда Билли испытывает заслуженную гордость. Еще пару недель, а то и до августа газон можно не стричь. Подождать Билли нетрудно. А когда он все-таки выйдет на улицу с косилкой, намазав нос цинковой мазью, в спортивных шортах и футболке без рукавов (может, даже в майке-алкоголичке), то станет на один шаг ближе к цели. Он почти сольется с пейзажем.

– Мистер Локридж?

Он смотрит на дверь соседнего дома. Там, на крыльце, стоят дети – Дерек и Шанис Акерман. Они смотрят на него сквозь пелену дождя. Говорит мальчик.

– Ма печет сахарное печенье. Велела кликнуть вас и спросить, не хотите ли угоститься.

– Звучит заманчиво, – отвечает Билли. Он встает и пере-

бегает к ним. Шанис, восьмилетка, без всякой задней мысли берет его за руку и ведет в дом, где от запаха свежееиспеченного печенья у Билли начинает урчать в животе.

В доме чисто и опрятно. Стены гостиной увешаны семейными фотографиями в рамках, еще дюжина стоит на фортепиано, занимающем в комнате почетное место. Корин Акерман как раз достает из духовки противень с печеньем.

– Привет, сосед! Дать вам полотенце – высушить волосы?

– Нет, спасибо. Я умею уворачиваться от капель.

Она смеется.

– Тогда съешьте печенье. Дети любят их с молоком, налить и вам стаканчик? Кофе тоже есть, если хотите.

– С молоком будет отлично. Только немного.

– Пару рюмок? – с улыбкой спрашивает Корин.

– Самое то. – Он улыбается в ответ.

– Тогда садитесь.

Он садится за стол вместе с детьми. Корин ставит перед ними блюдо с печеньем.

– Осторожно, они еще горячие. Следующую партию заверну вам с собой, Дэвид.

Дети жадно хватают печенье с блюда, Билли вежливо берет одно. Оно сладкое и очень вкусное.

– Просто чудо, Корин. Спасибо. То, что нужно в дождливый день.

Она дает своим детям по большому стакану молока, а Билли – маленький. Себе она тоже наливает стаканчик и присо-

единяется к ним. Дождь барабанит по крыше. Мимо дома с шелестом проезжает машина.

– Знаю, про книгу вы ничего не рассказываете, – говорит Дерек. – Но...

– Не говори с набитым ртом, – упрекает его мама. – Вон как крошки во все стороны полетели.

– А я не говорю, – вставляет Шанис.

– Да, ты ведешь себя более лучше. – Она косится на Билли и исправляется: – Ты ведешь себя лучше.

Дерека грамматика не интересует.

– Нет, вы мне скажите: там много кровищи?

Билли вспоминает, как Боб Месс отлетел в коридор. Как его сестра лежала на полу с переломанными ребрами – да, все до единого оказались сломаны – и вдавленной грудной клеткой.

– Нет, кровищи нет.

Он кусает печенью.

Шанис тянется за вторым.

– Можно еще два, не больше, – говорит ей мама. – И тебе тоже, Ди. Остальное будет для мистера Локриджа и на потом. Папа тоже их любит. – Она говорит Билли: – Джамал работает шесть дней в неделю и еще берет сверхурочные, когда дают. Мы так благодарны Фасию, они приглядывают за детьми, пока мы на работе. В общем-то район неплохой, но мы присматриваем место получше.

– Попрестижнее?

Корин со смехом кивает.

– А я вот совсем не хочу переезжать. Никогда, – заявляет Шанис и с очаровательным детским достоинством добавляет: – У меня тут *друзья*, между прочим.

– У меня тоже, – говорит Дерек. – Слушайте, мистер Локридж, а вы, случайно, в «Монополию» не умеете играть? Мы с Шан собираемся, но вдвоем играть глупо, а мама не хочет.

– Вот именно, не хочу, – сказала Корин. – Самая скучная игра на свете. Вечером папа с вами поиграет, он любит. Если не слишком устанет на работе.

– Но его еще ждать и ждать! – восклицает Дерек. – А мне скучно прямо сейчас.

– И мне, – поддакивает Шанис. – Если бы у меня был телефон, я сейчас играла бы в «Кросси роуд».

– В следующем году будет, – говорит Корин и закатывает глаза. Видно, девочка уже давно ведет кампанию по выпрашиванию телефона. Лет с пяти, пожалуй.

– Так вы умеете? – не унимается Дерек.

– Умею, – говорит Билли, а потом подается вперед и взглядом прищипливает Дерека к месту. – Должен сразу тебя предупредить: я отлично играю. И всегда выигрываю.

– Я тоже! – подхватывает Шанис.

– И я не стану играть в поддавки только потому, что вы дети, а я взрослый, – произносит Билли. – Я быстро скупаю недвижимость, имейте в виду. Сперва сдеру с вас три шкуры

на аренде, а потом добыю отелями. Если мы сядем играть, вы должны быть к этому готовы.

– Идет! – Дерек от восторга подпрыгивает на месте и чуть не разливает молоко.

– Идет! – кричит Шанис, подскакивая вслед за ним.

– Обещаете не плакать, когда я выиграю?

– Обещаем!

– Обещаем!

– Хорошо. Значит, договорились.

– Вы точно не против? – спрашивает Корин. – Игра просто бесконечная!

– Когда за кости берусь я, она заканчивается в два счета, – отвечает Билли.

– Играть будем внизу! – говорит Шанис и вновь берет его за руку.

Комната внизу такого же размера, как в доме Билли, но мужской берлогой она стала только наполовину. Там у Джамала небольшой верстак, а на стене висят инструменты. Есть и ленточная пила (Билли одобрительно подмечает, что тумблер включения закрыт крышкой с замком). Детская половина комнаты завалена игрушками и раскрасками. У стены стоит телевизор (к нему подключена дешевая приставка, явно приобретенная на гаражной распродаже, – из тех, в которые нужно вставлять картриджи). Стопка настольных игр на полу. Дерек берет коробку с «Монополией» и раскладывает игровое поле на детском столике.

– Мистеру Локриджу наши стульчики маловаты, – растерянно замечает Шанис.

– А я прямо на пол сяду. – Билли убирает один из стульчиков и садится, скрестив ноги (они как раз помещаются под столик).

– Вам какую фишку? – спрашивает Дерек. – Я обычно играю гоночной машинкой, когда мы с Шанис вдвоем, но могу уступить, если хотите.

– Да нет, спасибо. А тебе какая фишка нравится, Шанис?

– Наперсток, – отвечает она и неохотно добавляет: – Тоже могу уступить, если хотите.

Билли берет себе цилиндр, и игра начинается. Сорок минут спустя, когда Дереку выпадает очередной ход, он зовет маму:

– Ма! Мне нужен совет!

Корин спускается в подвал и, подбоченившись, осматривает поле и стопки денег у игроков.

– Не хочу говорить, что плохи ваши дела, дети, но плохи ваши дела.

– Я предупреждал, – замечает Билли.

– О чем ты хотел спросить, Ди? Имей в виду, что твоя мать в свое время еле-еле сдала зачет по домоводству.

– Вот такая у меня проблема, – говорит Ди. – У него две зелененьких, Пенсильвания-авеню и Пасифик-авеню, а Норт-Каролина-авеню у меня. Мистер Локридж предлагает за нее девятьсот долларов. Я купил ее втрое дешевле, но...

– Но? – спрашивает Корин.

– Но? – подхватывает Билли.

– Но тогда он сможет построить дома на всех зеленых полях. А у него уже есть *отели* на Парк-Плейс и Бордуоке!

– И? – говорит Корин.

– И? – говорит Билли с ухмылкой.

– Мне надо в туалет, и вообще я почти банкрот, – заявляет Шанис.

– Зайка, не нужно всем сообщать, что идешь в туалет. Просто скажи: «Простите, мне нужно отойти».

С тем же обезоруживающим достоинством Шанис отвечает:

– Пойду *попудрю носик*, хорошо?

Билли хохочет. Корин тоже. Дерек не обращает никакого внимания на происходящее. Он осматривает поле и вопрошает:

– Продавать или нет?! У меня почти не осталось денег!

– Это называется «выбор Хобсона», – говорит Билли. – Когда тебе нужно решить, рискнуть или твердо придерживаться взятого курса. Между нами, Ди, ты проиграешь в любом случае.

– По-моему, он прав, сынок, – соглашается Корин.

– Он такой везучий! – жалуется Дерек матери. – Только что попал на Бесплатную стоянку и получил все денежки, что мы туда сложили, – а это *ого-го* сколько!

– Я не только везучий, но и умею играть, – говорит Бил-

ли. – Признай.

Дерек пытается дуться, однако надолго его не хватает. Он поднимает карточку с зеленой полоской и объявляет:

– Тысяча двести!

– По рукам! – восклицает Билли и выплачивает ему названную сумму.

Двадцать минут спустя дети уже банкроты, и игра кончена. Когда Билли встает, его колени громко хрустят, и дети смеются.

– Вы проиграли, ребята, значит, вам и со стола убирать, так?

– Папа тоже так играет, – говорит Шанис. – Хотя иногда все-таки дает нам победить.

Билли улыбается:

– А я вот нет.

– Хвастун! – хихикает Шанис, прикрыв рот.

По ступенькам с грохотом слетает Дэнни Фасио в желтом дождевике и резиновых сапогах с расстегнутыми голенищами, похожими на воронки.

– Можно мне тоже поиграть?

– В другой раз. У меня такое правило: наминать детям бока только раз в неделю.

Собственная невинная шутка – то, что дети называли бы подковыркой, – вызывает перед глазами Билли картину: разбросанное по полу трейлера печенье и гипс Боба Месса, которым тот с размаху бьет Кэти по лицу. Смеяться больше

не хочется. Дети хохочут. Им-то весело: их сестру не топтал пьяный хмырь с выцветшей татуированной русалкой на руке.

Наверху Корин вручает ему пакетик с печеньем и говорит:

– Спасибо, что так чудесно скрасили им дождливый день.

– Мне тоже было весело.

Это правда. Ему было весело почти все время, не считая последних минут. Дома он выбрасывает пакет с угощением в мусорное ведро. Корин Акерман отлично готовит, но теперь ее печенье не полезет ему в горло. Он даже смотреть на него не может.

В понедельник он отправляется к своему риелтору, контора которого расположена в небольшом одноэтажном торговом центре в трех кварталах от дома номер 658. Офис Мертона Рихтера – двухкомнатная конура, втиснутая между солярием и тату-салонем «Веселый Роджер». У торгового центра стоит синий внедорожник, довольно старый, с наклейкой «АГЕНТСТВО НЕДВИЖИМОСТИ РИХТЕРА» на одном боку и длинной царапиной на другом. Риелтор мельком просматривает тщательно подделанные документы Далтона Смита, затем отдает их обратно вместе с договором аренды. Те места, где Билли должен поставить подпись, отмечены желтым маркером.

– Вы можете сказать, что хозяин задрал цену, – говорит Рихтер, как будто Билли уже возмутился. – И будете отчасти правы. Но не забывайте про мебель, вайфай и подъездную дорожку – ведь парковка на улице запрещена до шести вечера. Конечно, дорожку придется делить с Дженсенами...

– Большую часть времени я держу машину на муниципальной парковке в центре. А ходить пешком даже полезно. – Он гладит себя по бутафорскому животу. – Цена в самом деле немного завышена, но квартирка мне приглянулась.

– Хотя вы ее даже не видели! – дивится Рихтер.

– Миссис Дженсен очень ее хвалила.

– Понятно. Стало быть, по рукам?..

Билли подписывает бумаги и выписывает первый чек от имени Далтона Смита: плату за первый и последний месяцы, а также страховой депозит (последняя сумма просто баснословная, и оправдать ее могли бы разве что кухонная утварь марки «Олл-клэд», лиможский фарфор и светильники «Тиффани»).

– Компьютерами, значит, занимаетесь? – уточняет Рихтер, пряча чек в ящик стола. Он подталкивает к Билли конверт с надписью «КЛЮЧИ», затем отвешивает своему старенькому ПК шлепок, словно пытается прогнать приبلудную и совершенно бесполезную псину. – Мне бы пригодилась ваша помощь с этой развалюхой.

– Я сейчас не на работе, – говорит Билли, – но один совет дать могу.

– Какой же?

– Поменяйте комп, пока все не потеряли. Насколько я понял, об отоплении, электричестве, воде и кабельном вы уже позаботились?

Рихтер улыбается, как будто сейчас вручит Билли приз.

– Нет, это вы как-нибудь сами, дружище!

И протягивает ему руку.

Билли подмывает спросить Рихтера, за что ему вообще платят деньги (договор явно типовой, скачанный из Интернета, добавлены только местные детали), но какое ему до

этого дело? Решительно никакого.

Билли не терпится вернуться к своей писанине (книгой ее называть пока рано; может, это даже плохая примета), но у него есть другие дела. Когда во вторник открываются банки, он идет в «Саутерн траст» и снимает со счета Дэвида Локриджа немного наличных на мелкие расходы. Затем посещает три разных сетевых магазина электроники и бытовой техники и покупает еще три ноутбука, все за наличные, все от малоизвестных производителей вроде «Оллтека», и маленький настольный телевизор. За него он расплачивается кредиткой Далтона Смита.

Следующий пункт в списке дел – аренда автомобиля. «Тойоту» Билли припрятывает в паркинге на другом конце города, где Дэвид Локридж не появлялся. Еще не хватало, чтобы кто-то из коллег увидел его в обличье Далтона Смита – вероятность этого крайне мала, поскольку днем все прилежные пчелки трудятся в улье, но лучше не рисковать. Именно на таких мелочах люди и попадают.

Надев парик, очки, усы и живот, Билли вызывает «убер» и просит отвезти его в «Маккой Форд» на западной окраине города. Там он арендует «форд-фьюжн» на тридцать шесть месяцев. Его предупреждают, что наматывать больше десяти с половиной тысяч миль в год не стоит, иначе придется серьезно доплатить. Билли подозревает, что не намотает даже

трехсот. Главное, теперь у него (и у Далтона Смита) есть колеса, о которых Ник ничего не знает, – перестраховка на случай, если тот действительно задумал недоброе. Таким образом Далтон не будет иметь никакого отношения к убийству у здания суда – то есть останется чистеньким.

Билли временно паркует новую машину рядом со старой (на другом паркинге, тоже на верхнем уровне и подальше от камер наблюдения), чтобы перетащить телевизор и ноутбуки из «тойоты» в багажник «фьюжна». А заодно дешевые чемоданы с дешевой одеждой из «Уолмарта»: их он вчера вечером погрузил в «тойоту». Затем он перегоняет «фьюжн» к дому номер 658 по Пирсон-стрит – на подъездную дорожку, давным-давно закатанную в бетон, через который уже проросла трава. Хорошо, если миссис Дженсен увидит, как он переезжает. Разумеется, она увидела.

А вот заметил ли Далтон, как она смотрела на него из окна второго этажа? Билли приходит к выводу, что нет. Далтон компьютерщик, рассеянный и замкнутый. Живет в собственном мире. С превеликим трудом втащив два чемодана на крыльцо, он открывает дверь новеньким ключом. Девять ступеней вниз – и вот он у входа в квартиру. Достает второй ключ. Дверь открывается прямо в гостиную. Он ставит чемоданы на ковролин и обходит все четыре комнаты своего жилища (пять, если считать ванную).

Мебель там неплохая, сказал Рихтер. Это неправда. Впрочем, не такая она и ужасная – на ум приходит слово

«простенькая». Двухспальная кровать скрипит, но по крайней мере в спину не упираются пружины – и на том спасибо. Мягкое кресло стоит перед столиком, на который просится маленький телевизор вроде того, что он купил в «Дискаунт электроникс». Кресло вполне удобное, хотя от черно-белых полосок рябит в глазах. Надо будет чем-то прикрыть это безобразие.

В целом квартира ему по душе. Он подходит к узкому окну, расположенному на уровне лужайки. Как будто смотришь в перископ, думает Билли. Вид ему очень нравится. Здесь уютно. В Мидвуде тоже неплохо, да и соседи отличные, особенно Акерманы, но этот дом лучше. Безопаснее. В гостиной есть старый диван, на вид удобный, и Билли решает поставить его вместо кресла-зебры: будет сидеть и смотреть на улицу. Прохожие иногда смотрят на дома и заглядывают в окна, но никто не додумается опустить глаза на окна подвального – стало быть, никто не увидит Билли. Это настоящее логово. Если придется затаиться в какой-нибудь норе, думает он, можно сделать это здесь, а не в Висконсине, где Ник якобы приготовил для него квартирку. Потому что этот подвал и есть нора...

Раздается тихий стук в дверь – скорее скрежет. Он оборачивается и видит на пороге миссис Дженсен (дверь осталась открытой): она барабанит ногтями по косяку.

– Здравствуйте, мистер Смит!

– О, добрый день. – Голос Далтона Смита чуть выше, чем

голос Билли Саммерса и Дэвида Локриджа. Слегка сипловатый, с намеком на астму. – Я как раз въезжаю, миссис Дженсен. – Он показывает на чемоданы.

– Раз мы теперь соседи, зовите меня просто Беверли.

– Конечно. Спасибо. Я Далтон. Простите великодушно, я пока не могу угостить вас чашечкой кофе – еще ничего не купил...

– Прекрасно понимаю. Переезд – это безумие, правда?

– Правда. Спасает, что я часто путешествую и вещей у меня немного. Остаток недели проведу в Линкольне, Небраска, а потом еду в Омаху. – Билли заметил: когда врешь про разезды по небольшим городкам, имеющим второстепенное экономическое значение, люди почему-то охотнее тебе верят. – Я еще не все перетащил из машины, поэтому, если позволите...

– Вам помочь?

– Нет, нет, я справлюсь, – заверяет ее Билли и тут же делает вид, что передумал: – Хотя...

Они вместе выходят на улицу. Билли вручает ей три коробки с дешевыми ноутбуками. Беверли становится похожа на курьера пиццерии «Доминос».

– Ой, только бы не уронить – с виду они новенькие и наверняка стоят целое состояние!

Стоят они не больше девятисот долларов, но Билли не хочет возражать. Только спрашивает, не слишком ли тяжело.

– Ха! Они точно легче, чем корзина с выстиранным бе-

льем. Вы все это будете подключать?

– Как только разберусь с электричеством, – говорит Билли. – Это мой бизнес. По крайней мере его часть. В основном я работаю на аутсорсинге.

Слова вроде «аутсорсинг» звучат солидно и могут означать что угодно. Билли вытаскивает из багажника коробку с телевизором. Они вместе возвращаются к дому, входят в открытую дверь и спускаются в подвал.

– Заглядывайте сегодня к нам, когда немножко устроитесь, – говорит Беверли Дженсен. – Я кофе сварю. И угощу пончиком – правда, он вчерашний.

– От пончика никогда не откажусь. Спасибо, миссис Дженсен.

– Беверли.

Он улыбается.

– Да, точно, Беверли. Вот притащу еще один чемодан – и забегу к вам.

Баки выслал ему коробку, подписанную словом «Страховка». Внутри лежит айфон Далтона Смита. Разгрузив «фьюжн», Билли делает несколько звонков. А к тому времени, когда он выпивает чашечку кофе и съедает пончик в квартире Дженсенов на втором этаже (с напускным интересом выслушав рассказ Беверли о проблемах ее мужа на работе и его неладах с начальством), в подвале уже появляется электричество.

В его подземном логове.

Половину дня он проводит в новом доме, распаковывая дешевую одежду, включая дешевые компьютеры и закупая продукты в супермаркете «Брукшайрз», что в миле от дома. Ничего скоропортящегося, кроме дюжины яиц и сливочного масла, он не берет. В основном затачивается тем, что будет долго храниться: консервами и замороженными полуфабрикатами. В три часа он садится в арендованный «фьюжн» и возвращается на четвертый уровень паркинга номер 2. Убедившись, что его никто не видит, снимает очки и усы. Какое облегчение – наконец избавиться от живота! В следующий раз надо будет обработать кожу детской присыпкой, чтобы не появилось потницы.

Пересев в «тойоту», он едет на ней в паркинг номер 1, оставляет машину и поднимается на пятый этаж «Башни Джерарда». Книгу не пишет и в компьютерные игры не играет. Просто сидит и думает. В офисе нельзя держать винтовку и вообще оружие, максимум – нож для чистки овощей. Это хорошо. Возможно, ствол ему не понадобится еще несколько недель или даже месяцев. Возможно, ему вообще не придется никого убивать – и разве это так уж плохо? В плане денег – да. Он потеряет полтора миллиона долларов. Что же до пятисот тысяч, которые ему уже перевели, захочет ли заказчик – тот, чьим посредником выступает в этом деле Ник, –

получить их обратно?

– Пусть попробует, – говорит Билли вслух. И смеется.

Пока он идет – *плетется* – обратно к машине, в голове крутятся мысли о двоеженстве.

Он никогда не был женат даже на одной женщине, не говоря о двух, но способен представить, каково это. Если одним словом – изматывающе. Сейчас ему приходится переключаться между тремя разными жизнями. Для Ника и Джорджо (и для ненавистного Кена Хоффа) он вольный стрелок по имени Билли Саммерс. Для сотрудников «Башни Джерарда» – равно как и для жителей мидвудской Эвергрин-стрит – начинающий писатель по имени Дэвид Локридж. А для соседей по Пирсон-стрит, что в девяти кварталах от «Башни Джерарда» и в четырех милях от Мидвуда, – пузатый компьютерщик по имени Далтон Смит.

Если подумать, у него есть и четвертая личина: Бенджи Компсон, который все-таки не совсем Билли – ровно настолько, чтобы сам Билли мог спокойно воскрешать в памяти образы из прошлого, что раньше делать избегал.

Он сознательно начал писать историю Бенджи на компьютере, который, вероятно (нет, наверняка), клонирован: это своеобразная проверка на прочность. И пресловутое «последнее дело». Но есть и другая причина, куда более важная и глубокая: ему нужны читатели. Пусть это будет кто угодно, пусть даже бандюганы из Вегаса вроде Ника Маджаряна

и Джорджо Свиньелли. Теперь Билли понимает (раньше не понимал и даже не задумывался об этом), что любой писатель, решивший показать свой труд людям, намеренно играет с огнем. В этом есть своя прелесть. *Смотрите на меня. Я безоружен и стою перед вами голый. Во всей красе.*

Предаваясь таким размышлениям, он направляется к паркингу и вдруг вздрагивает: кто-то хлопает его по плечу. Это Филлис Стэнхоуп, молодая сотрудница бухгалтерской конторы.

– Ой, простите. – Она делает шаг назад. – Не хотела вас пугать.

Увидела ли она что-нибудь в этот миг, когда он не был готов к свидетелям? Может, промельк его настоящей личности? Не потому ли она отшатнулась? Может быть, поэтому. Если так, надо побыстрее развеять образ легкой улыбкой – и чистой правдой.

– Все хорошо. Просто я был за миллион миль отсюда.

– Размышляли о своей книге?

О двоеженстве.

– Ага.

Филлис идет с ним в ногу. Сумочка перекинута через плечо, за спиной детский рюкзак с Губкой Бобом. Вместо «щелкунчиков» – кеды с белыми носками.

– Не видела вас сегодня за обедом. Ели в кабинете?

– Нет, катался по делам. Я ведь до сих пор толком не обжился. Плюс у меня был серьезный разговор с моим агентом.

Он действительно разговаривал с Джорджо, впрочем, ничего серьезного они не обсуждали. Ник вернулся в Вегас, а Свин поселился в особняке с двумя другими молодчиками – Реджи и Даной. Вряд ли Ник и Джорджи Свин задумали его грохнуть (и завезли для этого сразу двух ребят), но для них это очень крупное и важное дело. Конечно, они перестраховываются – Билли был бы удивлен, даже шокирован, если бы они не осторожничали. Кто здесь действительно крайний, так это Кен Хофф. Будущий козел отпущения.

– Кроме того, писателю необязательно сидеть за столом, чтобы работать. – Билли похлопывает себя по виску.

Она отвечает ему улыбкой. Доброй.

– Наверное, все вы так говорите.

– Если честно, я в данный момент нахожусь в небольшом тупике.

– Может, это не просто тупик, а новое место действия?

– Возможно.

Вообще-то Билли лукавит, никакого тупика нет. Да, кроме первой сцены он еще ничего не написал, но остальное не заставит себя ждать. Весь текст уже есть у него в голове. Осталось только его набрать. И Билли не терпится сесть за работу. Это ничуть не похоже на ведение личного дневника, и это не попытка примириться с прошлым, пусть сколь угодно несчастным и полным травм; это даже не исповедь, хотя в результате, возможно, к ней все и сведется. Это – сила. Он наконец нашел источник. Причем на сей раз силой его наде-

ляет не оружие. Как и вид из окон своего нового подземного жилища, ему это нравится.

– В любом случае, – говорит Билли, когда они подходят к паркингу, – я планирую взяться за дело всерьез. Начинаю прямо завтра.

Филлис приподнимает брови.

– Правило у меня твердое: варенье на завтра...

Билли подхватывает цитату, и они заканчивают ее хором:

– ...и только на завтра!¹⁶

– Как бы там ни было, мне не терпится прочитать вашу книгу. – Они входят под своды паркинга – после палящего уличного зноя здесь царит восхитительная прохлада – и начинают подниматься. Филлис останавливается на полпути к первому повороту. – Вот моя машина. – Она нажимает кнопку на брелоке. Неподалеку вспыхивают задние габаритные огни маленького голубого «приуса». Номер обрамляют два стикера: «МОЕ ТЕЛО – МОЕ ДЕЛО», «ВЕРЬТЕ ЖЕНЩИНАМ».

– Как бы вам машину не поцарапали, – говорит Билли. – Этот штат красный до мозга костей.

Она поднимает сумочку и улыбается ему совсем не так, как сначала, – новая улыбка больше похожа на усмешку Грязного Гарри.

¹⁶ Цитата из «Алисы в Зазеркалье» Льюиса Кэрролла (перевод Н. Демуровой). «Варенье на завтра» стало в английском языке метафорой пустых надежд или обещаний.

– А еще в нашем штате разрешено скрытое ношение, так что если кто-то попытается отскрести мои наклейки ключом, советую им делать это тайком и не попадаться мне на глаза.

Интересно, это показуха? Миниатюрная бухгалтерша нарочно держится посмелее и понаглее с мужчиной, который, возможно, ей интересен? Может быть. А может, и нет. В любом случае он восхищен: так прямо говорить о своих убеждениях! Для этого нужна смелость. Именно так ведут себя хорошие люди. По крайней мере когда показывают себя с лучшей стороны.

– Что ж, еще увидимся, – говорит Билли. – Я свою повыше бросил.

– Правда? Неужели внизу мест не нашлось?

Он мог бы сказать, что задержался и не успел урвать хорошее местечко, но в итоге это сыграет против него, ведь он всегда паркуется на четвертом.

– Там меньше вероятность, что кто-нибудь меня бортанет и скроется. – Билли показывает большим пальцем наверх.

– Или отскребет ваши стикеры?

– У меня их нет, – отвечает Билли и вновь говорит чистую правду: – Не люблю быть на виду. – Тут, повинувшись внезапному импульсу (хотя человек он отнюдь не импульсивный), он предлагает: – Давайте сходим куда-нибудь, выпьем. Хотите?

– Да. – Без колебаний и стеснения. Как будто она ждала этого вопроса. – В пятницу? Тут неподалеку есть непло-

хое заведение, счет можем поделить. Я предпочитаю делить счет. – Она умолкает. – По крайней мере на первой встрече.

– Хорошая привычка. Осторожнее за рулем, Филлис.

– Фил. Зови меня Фил.

Он машет ее задним габаритам на прощание и отправляется к себе на четвертый уровень. Здесь есть лифт, но ему хочется пройтись. И спросить себя, на кой черт он сделал то, что сделал. И на кой черт играл в «Монополию» с детьми Акерманов? Ведь знал же, что они захотят повторить игру на следующих выходных (и он наверняка согласится)! С людьми надо ладить, а не дружбу водить, верно? Как слиться с пейзажем, если стоишь на переднем плане?

Коротко: никак.

Глава 6

1

Лето в самом разгаре. Днем стоит влажная, удушливая жара, солнце палит немилосердно, а под вечер случаются грозы, порой весьма лютые, со шквальным ветром и градом. На окраинах даже замечены торнадо, но до центра и Мидвуда они не добираются. Когда гроза отгремит, над горячим асфальтом поднимается пар, и лужи быстро высыхают. Большинство квартир на верхних этажах «Башни Джерарда» пустуют: либо их никто не занял, либо жильцы сбежали в более прохладные регионы страны. Зато в офисах полно сотрудников, потому что арендуют их в основном молодые фирмы, еще не успевшие встать на ноги. Некоторых – вроде той юридической конторы на этаже Билли – два года назад еще даже не существовало.

Билли и Фил Стэнхоуп идут в бар. Местечко действительно приятное, стены изнутри обшиты деревом. Находится оно по соседству с одним из лучших ресторанов города, где гостей потчуют стейками. Фил заказывает виски с содовой («Папин выбор», – говорит она), а Билли – коктейль «Арнольд Палмер», поясняя, что ему настрого запретили пить спиртное, даже пиво, пока идет работа над книгой.

– Алкоголик я или нет – вопрос пока открытый, – говорит он. – Но проблемы со спиртным у меня были. – Он рассказывает ей придуманную Ником и Джорджо легенду про то, как в Нью-Хэмпшире он злоупотреблял всем подряд в компании таких же прожигателей жизни.

Проходит полчаса. Все идет неплохо, но Билли чувствует, что ее интерес к нему – романтический, а не дружеский – вовсе не так силен, как он надеялся. Вероятно, всему виной пропасть между двумя разными напитками в их стаканах. Пить виски в компании мужчины, который пьет чай со льдом и лимонадом, – сомнительное удовольствие. Почти то же самое, что пить в одиночку. А по румянцу, который тут же загорается на щеках Фил, когда она допивает первый стакан, можно предположить, что проблемы с алкоголем есть и у нее. Или появятся с годами. Жаль, конечно, что все складывается именно так... Билли был бы не против, если бы у них с Фил дошло до постели, но в данной ситуации им лучше остаться друзьями. Меньше вероятность осложнений. Полностью исчезнуть с ее радаров уже не выйдет – он явно ей нравится, и это взаимно, – но эксперты-криминалисты никогда не найдут его отпечатков пальцев в ее спальне. Это на пользу им обоим. Однако даже столь короткий обмен биографиями (настоящей с ее стороны и выдуманной – с его) – чересчур близкий контакт, и Билли отдает себе в этом отчет.

У Далтона Смита история другая, проблем с алкоголем у него не было, поэтому он с чистой совестью соглашается вы-

пить пива с мужем Беверли на заднем крыльце дома номер 658 по Пирсон-стрит. Дон Дженсен работает ландшафтным дизайнером в компании под названием «Гроуин консен». Он целиком и полностью разделяет позицию другого Дона, что сидит в куда более роскошных интерьерах по адресу Пенсильвания-авеню, 1600¹⁷. Особенно он согласен с Доном в вопросах иммиграционной политики («Не хочу, чтобы Америка покоричневела», – говорит он), хотя в «Гроуин консен» трудятся по большей части нелегалы, которые и двух слов по-английски связать не могут («Зато продуктовые талоны читать умеют»). Когда Билли спрашивает, нет ли в этом противоречия, Дон Дженсен только отмахивается («Кинозвезды приходят и уходят, а мексикашки будут всегда», – говорит он). На вопрос Дона о планах на ближайшее будущее Билли отвечает, что скоро уедет на пару недель в Айова-Сити. Потом – в Де-Мойн и Эймс.

– Да уж, на месте вы не сидите, – замечает Дон. – Стоит ли снимать жилье? Только деньги на ветер.

– Летом у меня самая горячая пора. Надо же где-то повесить шляпу. Осенью я почаще буду появляться, успею вам надоесть.

– Вот за это и выпьем. Хотите еще пива?

– Нет, спасибо, – сказал Билли, вставая. – Надо поработать.

– Зануда, – говорит Дон и по-дружески хлопает его по спи-

¹⁷ Адрес Белого дома в Вашингтоне.

не.

– Каюсь, виноват.

Рагланды с Эвергрин-стрит – Пол и Дениз – приглашают его на цыпленка-барбекю из «Биг клакс». На десерт Дениз подает бисквитные пирожные с клубникой, которые испекла сама. Они восхитительно хороши. Билли просит добавки. Фасио – Пит и Диана, что живут через дорогу, – зовут его на пятничную пиццу, которую едят внизу в игровой под «Индиану Джонса: В поисках утраченного ковчега» вместе с Дэнни Фасио и детьми Акерманов. Фильм производит на ребят такое же неизгладимое впечатление, какое он произвел в свое время на Билли и Кэти в старом кинотеатре «Бижу», где его крутили три сезона подряд. Джамал и Корин Акерманы приглашают Билли на тако и «шелковый» шоколадный пирог, тоже восхитительный. Билли просит добавки. Он набрал уже пять фунтов. Не желая прослыть любителем халявы, он покупает в «Уолмарте» гриль (оплачивает его картой Дэвида Локриджа) и приглашает все три семьи и Джейн Келлогг, вдову из дальнего конца квартала, на бургеры и хот-доги у себя на заднем дворе. Трава там, как и спереди, уже заметно преобразилась.

По выходным он продолжает играть с детьми в «Монополию». Теперь на эти игры собирается вся местная детвора, причем не только с Эвергрин-стрит – всем хочется отнять у чемпиона пальму первенства. Билли неизменно разносит их в пух и прах. Однажды в воскресенье, временно присвоив се-

бе фишку в виде гоночной машинки, за доску садится Джамал Акерман. («Ну, вперед, Белая Америка», – с ухмылкой говорит он Билли.) Играет он чуть лучше, чем дети, но ненамного. Спустя полтора часа Джамал банкротится, а Билли в очередной раз торжествует. Победу над ним, как ни странно, одерживает Корин Акерман – в последнее воскресенье лета. Следящие за напряженной игрой дети устраивают бурные овации, когда Билли объявляет себя банкротом. Он тоже хлопает в ладоши. Корин отвешивает поклон, а потом фотографирует доску. Билли прикладывает усилия, чтобы не попасть в кадр. Впрочем, вряд ли это имеет смысл в наш век телефонов с камерами. Наверняка Дерек уже щелкнул его на свой. И Дэнни Фасио тоже. Дети Акерманов, аплодируя, смотрят на него влюбленными сияющими глазами. Эти игры стали важной частью их жизни. Возможно, для остальных детей они тоже имеют значение, но для Дерека и Шанис особенно, ведь именно с них все начиналось. *Билли* стал важной частью их жизни, но скоро он их предаст. Он не думает (или не хочет, отказывается думать), что разобьет им сердце, убив Джоэла Аллена, но это событие точно их потрясет. Развеет их иллюзии. Завалит им горизонт. Билли может сколько угодно говорить себе, что рано или поздно это случается со всяким. Мол, не я, так кто-нибудь другой. Но ему тяжело. Так хорошие люди себя не ведут. Впрочем, изменить ситуацию он не в силах. Все чаще и чаще он надеется, что Аллена не экстрадируют – или убьют в тюрьме, или он сбежит,

сорвав им все планы.

По будням, если на улице не слишком жарко, он обедает на площади перед «Башней Джерарда». Ему удастся познакомиться с Колином Уайтом, местным модником. Уайт производит впечатление не просто гея, а эдакого карикатурного персонажа из комедийного сериала 1980-х: томные жесты, речь с придыханием и закатыванием глаз. Билли он называет «сладким» и «душечкой». Однако за этим театром скрывается недюжинный ум. Ум острый, как бритва. И когда эти глаза не закатываются, они подмечают кучу подробностей. Впрочем, потом многие будут рассказывать полиции о том, какое впечатление произвел на них Дэвид Локридж. Большинство – включая Филлис Стэнхоуп – дадут положительную характеристику, но описание Колина Уайта, пожалуй, будет самым точным. Билли планирует использовать Уайта в своих целях, но с ним надо соблюдать предельную осторожность. Если у Билли есть «тупое я», то у Колина Уайта второе я «дурашливое». Рыбак рыбака видит издалека.

Однажды, когда они сидят на скамеечке в скудной полуденной тени деревьев, Билли спрашивает Колина, как ему удастся выбивать из людей деньги, ведь он, в сущности, неплохой человек, да еще и голубой, как яйца дрозда. Колин прижимает к лицу ладонь, невинно таращит глаза и говорит: – Ну... знаешь, я как бы... *меняюсь*.

Рука опускается на колени. Приятная улыбка (едва тронутая блеском для губ) исчезает. Мелодичность речи тоже.

Томный Колин Уайт, одетый сегодня в золотые штаны-парашюты и узорчатую рубашку с высоким воротником, начинает цедить сквозь зубы голосом зверюги-адвоката:

– Мэм, не знаю, кого вы пытаетесь развести этим нытьем, я на такое не ведусь. Ваше время истекло. Машина вам еще нужна? Если да, имейте в виду: когда я положу трубку, ничего не получив – *а пустые обещания мне не нужны*, – то следующий мой звонок будет уже не вам, а нашим коллекторам. Распускайте нюни сколько влезет, меня этим не проймешь. – Излагает он убедительно, ничего не скажешь. – Прямо сейчас я должен увидеть на своем экране перевод на шестьдесят долларов. Самое меньшее – на пятьдесят, но только потому, что сегодня я встал с той ноги. – Он умолкает, вновь поднимает на Билли невинные глаза (едва тронутые черным косметическим карандашом). – Теперь понимаешь?

Теперь Билли понимает. Впрочем, кое-что понятнее не стало: хороший Колин Уайт человек или плохой? Возможно, и то и другое. Билли эта концепция настораживает.

Все лето на телефон Дэвида Локриджа поступают текстовые сообщения – иногда раз в неделю, иногда два.

Дж. Руссо: Твой редактор еще не успел прочитать последние главы.

Дж. Руссо: Я звонил твоему редактору, но его не было на работе.

Дж. Руссо: Твой редактор по-прежнему в Калифорнии.

И так далее, и тому подобное. Сейчас Билли ждет сообщения об экстрадиции Аллена: **Твой редактор готов отправить текст в печать.** Получив его, Билли начнет последние приготовления.

А последнее сообщение будет выглядеть так: **Чек в пути.**

В середине августа Ник возвращается из Вегаса. Он звонит Билли и просит его подъехать в особняк, когда стемнеет (мог бы и не говорить). В половине десятого они садятся ужинать. Слуг нет, Ник сам приготовил телятину пармиджано – не бог весть что, зато пино-нуар неплохое. Билли выпивает только один бокал, помня, что ему еще ехать обратно.

Все уже в сборе: Фрэнки, Поли и новенькие, Реджи и Дана. Они от души нахваливают стряпню Ника, включая десерт: магазинный фунтовый кекс, залитый сливками из баллончика (не то «Кул уип», не то «Дрим уип»). Знакомый вкус: Билли частенько ел такую бурду в детстве, пятничными вечерами в доме Степенеков, который они с Робин, Гэдом и другими «сокамерниками» называли Домом Вековечной Краски.

В последнее время он нередко вспоминает этот дом. И Робин. Он был от нее без ума. Скоро он о ней напишет, только имя надо поменять на что-то похожее – на Рикки. Или, может, на Ронни. Билли изменит все имена, оставит только одноглазую девочку.

Имена большинства ребят Ника – ребят, которых Билли окрестил «вегасскими бандюганам» – заканчиваются на *и*, прямо как у персонажей Копполы или Скорсезе. Дана Эдисон – исключение. Рыжие волосы он убирает в тугую пу-

чок на затылке, видимо, чтобы компенсировать недостающее спереди (его лоб напоминает летную полосу). Фрэнки Элвис, Поли и Реджи – мускулистые мальчики. Дана художав и смотрит на мир сквозь очки без оправы. С первого взгляда он может показаться безобидным парнем, эдаким мистером Милкитостом¹⁸, но голубые глаза за стеклами очков холодны и проницательны. Это глаза профессионального стрелка.

– Про Аллена новостей нет? – спрашивает Билли, когда все поужинали.

– Между прочим, есть, – отвечает Ник и тут же осаживает Поли: – Не вздумай закуривать здесь эту вонючку, в договоре аренды черным по белому написано: курение запрещено. Нарушение карается немедленным разрывом договора и штрафом в тысячу долларов.

Поли Логан удивленно смотрит на сигару, которую только что достал из кармана розовой рубашки «Пол Стюарт» – как будто не понимает, откуда она взялась, – и тут же убирает ее обратно, бормоча извинения. Ник вновь поворачивается к Билли.

– В четверг, после Дня труда, состоится очередное слушание по делу Аллена. Адвокат будет опять просить отсрочки. А вот получит он ее или нет... – Ник разводит руками. – Может быть. Но я слышал от друзей из Вегаса, что судья – та еще старая злыдня.

¹⁸ Каспар Милкитост – герой комиксов Х. Т. Вебстера «Робкая душа», в переносном смысле – робкий, застенчивый, слабый человек.

Фрэнк Макинтош смеется, потом, увидев хмурюю мину Ника, резко умолкает и складывает руки на груди. Большую часть вечера Ник пребывает в скверном настроении. Ему, наверное, хочется обратно в Вегас, слушать «Воларе» в до-историческом исполнении какого-нибудь Фрэнки Авалона или Бобби Райделла.

– Говорят, лето здесь выдалось дождливое, Билли. Это правда?

– Иногда поливает, – отвечает Билли, вспоминая свою мидвудскую лужайку. Она теперь зеленая, как новенький стол для бильярда. Даже травка у дома номер 658 по Пирсон-стрит стала выглядеть лучше, а кирпичная челюсть бывшей железнодорожной станции спряталась в высоких сорняках.

– Если уж дождь пошел, то льет мама не горюй, – добавляет Реджи. – Не то что в Вегасе, босс.

– Ты сможешь стрелять в дождь? – спрашивает Ник. – Вот что меня беспокоит. И говори только правду, оптимистическую чушь оставь при себе.

– Если не польет как из ведра, смогу.

– Хорошо. Хорошо. Это радует. Будем надеяться, что ведра наверху припасут на потом. Пойдем в библиотеку, Билли, хочу еще кое-что с тобой обсудить. Потом отпущу тебя домой баиньки. Вы, ребята, займитесь чем-нибудь. Поли, если будешь курить на улице, не вздумай оставлять бычок на лужайке.

– Не вопрос, Ник.

– Я проверю.

Пол Логан и трое приезжих из Вегаса выходят на улицу. Ник ведет Билли в комнату, от пола до потолка заставленную книгами. Крошечные, хитро встроенные в полки точечные светильники льют струи света на собрания сочинений в кожаных переплетах. Сейчас бы порыться на этих полках – наверняка тут есть весь Киплинг и Диккенс, – но Билли, которого знает Ник, не проявляет интереса к книгам. Билли, которого знает Ник, садится в вольтеровское кресло и, распахнув глаза, внимательно смотрит на босса.

– Видишь Реджи и Дану в городе?

– Да. Иногда вижу. – Они разъезжают на фургоне коммунальных служб. Один раз этот фургон стоял перед «Башней Джерарда», на том самом месте, где в обед гнездятся все фургончики с едой. Парни возились с крышкой канализационного люка. В другой раз Билли заметил их на Холланд-стрит: они стояли на коленях и светили фонариком в водоприемную решетку. Выглядели они как полагается: серые комбинезоны, бейсболки с символикой муниципальных служб, рабочие сапоги.

– Скоро будешь видеть их чаще. Нормально они смотрелись?

Билли пожимает плечами.

Ник раздраженно спрашивает:

– Как это понимать?

– Вроде нормально.

– Лишнего внимания не привлекали?

– Кажется, нет.

– Хорошо. Хорошо. Фургон стоит здесь, в гараже. Пока они не каждый день на нем выезжают, но скоро будут каждый. Надо, чтобы они тут примелькались.

– Силились с пейзажем, – говорит Билли и расплывается в максимально тупой улыбке.

Ник наводит на него палец-пистолет. Билли знает, что это его фишка – наверное, подглядел у какого-нибудь другого вегасского бандюгана, – но ему не нравится, когда на него наставляют пушку, пусть даже ненастоящую.

– В точку! Хофф уже привез ствол?

– Нет.

– Ты его видел?

– Нет, и не стремлюсь.

– Хорошо. – Ник вздыхает и проводит рукой по волосам. – Тебе, наверное, надо сперва посмотреть инструмент, верно? Пристрелять его где-нибудь в поле?

– Можно, – говорит Билли. Но рисковать он не будет, даже где-нибудь у черта на куличках, где каждый дорожный знак давно изрешечен пулями. Произвести холодную пристрелку можно с помощью мобильного приложения и лазерного патрона, который продается на «Амазоне».

Ник подается вперед, сцепив руки на своем внушительном брюхе. Лицо у него по-дружески озабоченное. Билли ка-

жется, что так он особенно похож на предателя.

– Как идут дела в этом... как его... Мидвуде?

– Мидвуд, ага. Хорошо идут.

– Знаю, это жопа мира, но что поделать. Игра стоит свеч.

– Да. – Вообще-то Мидвуд ему очень даже по душе.

– Сидишь тихо, не высовываешься?

Билли мотает головой. Нику вовсе не обязательно знать про вечера с «Монополией» и бургеры на заднем дворе. И про посиделки в баре с Фил Стэнхоуп. Посвящать Ника в свои дела он не будет – ни сейчас, ни потом.

– Ты обдумал план побега, который я тебе расписал? Видишь ли, парни готовятся. Реджи звезд с неба не хватает, а вот Дана у нас мозг. И оба умеют водить машину.

– Я просто должен забежать за угол, так? И прыгнуть в фургон.

– Да. И переодеться в серый комбинезон коммунальщика. Вы подъезжаете к копам и спрашиваете, нельзя ли им помочь – распределять потоки людей или еще чем. – Можно подумать, Билли про это забыл. – Если они согласятся – вряд ли, конечно, но мало ли, – сразу беритесь за работу. В любом случае к вечеру ты будешь за пределами штата, по дороге в Висконсин. А то и раньше. Что думаешь?

Билли видит картинку: он не едет в Висконсин, а лежит с простреленной башкой в канаве, среди пустых банок из-под пива и коробок от «Биг Маков». Картинка очень ясная и четкая.

Он улыбается – *ухмыляется* – Нику и говорит:

– План хороший. Я б и сам лучше не придумал.

Это вранье, конечно. То, что он придумал, со всех сторон выглядит идеально – не подкопаешься. Риски есть, но минимальные. И Нику знать про этот план не нужно. Да, наверное, он разозлится, но вряд ли сильно – дело-то сделано.

Ник встает.

– Вот и славно. Рад тебе помочь, Билли. Ты хороший человек.

Нет, плохой, и ты тоже.

– Спасибо, Ник.

– Последнее дело, а? Решил завязать?

– Да.

– Ну, иди сюда, бамбино, давай обнимемся.

Билли обнимается.

Не то чтобы он совсем не доверяет Нику, думает он в машине по дороге к желтому домику. Просто себе он доверяет больше. Так всегда было и всегда будет.

Пару дней спустя в дверь его маленького офиса кто-то стучит. Билли в это время пишет, с головой нырнув в прошлое. Отчасти это прошлое принадлежит Бенджи Компсону, но в основном – ему самому. Он сохраняет документ, закрывает его и подходит к двери. Это Кен Хофф. С тех пор как они виделись в июне, он сбросил фунтов десять, не меньше. Облезлая бороденка стала еще облезлее. Может, он до сих пор думает, что она придает ему сходство с крутым героем боевика, но Билли кажется, что он похож на жертву пятидневного запоя. Запах изо рта только усиливает впечатление. Никакие мятные конфеты не перебьют рюмашку-другую, опрокинутую Хоффом перед визитом в «Башню Джерарда» – в десять сорок утра. Галстук у него нарядный, а вот рубашка несвежая и с одной стороны выбилась из брюк. Ходячая катастрофа, думает Билли.

– Здорово, Билли!

– Дэйв, помнишь?

– Да, точно, Дэйв. – Хофф оглядывается по сторонам – не услышал ли кто его оговорку. – Можно войти?

– Конечно, мистер Хофф, – говорит он, отходя в сторону. Называть по имени человека, у которого снимаешь помещение, – не в его привычках.

Хофф еще раз оглядывается и входит. Они стоят в неболь-

шой комнатке, которая в настоящем офисе была бы приемной. Билли закрывает дверь.

– Чем могу помочь?

– Нет-нет, ничего не нужно, все в порядке. – Хофф обливается, и до Билли доходит, что он его боится. – Просто зашел узнать, все ли у вас, ну... в порядке. Не надо ли чего.

Ник заставил его прийти, думает Билли. Зачем? Ты не понравился нашему исполнителю, и это плохо, исправляйся.

– Только одно, – говорит Билли. – Вы ведь обеспечите меня инструментом, верно? – Имеется в виду «М-24». Та, которую Хофф назвал «Ремингтон-700».

– Все под контролем, все под контролем, мой друг. Вам ее сейчас привезти или...

– Нет. Наши общие друзья сообщат, когда придет время. А до тех пор припрятывайте ее в надежном месте.

– Без проблем. Она у меня...

– Я не хочу знать. Пока не хочу. – Довольно для каждого дня своей заботы¹⁹, думает Билли. Сегодня ему нужно только одно: вернуться к тому, чем он занимался. Он даже не представлял, как это здорово – писать.

– Ага, понял. Слушайте, давайте как-нибудь сходим в бар, выпьем?

– Не очень хорошая идея.

Хофф улыбается. Вероятно, это даже мило, когда он в своей стихии, но не сейчас. Сейчас он в одной комнате с

¹⁹ Мф. 6:34.

наемным убийцей. И это только часть беды. Хофф чувствует, что конец близко, но вовсе не потому, что подозревает в чем-то своих подельников, которые собираются повесить на него всех собак. Должен подозревать, но пока не подозревает. Возможно, ему просто не по силам такое представить – как Билли не в силах представить себе черные дыры.

– Бросьте, мы вполне можем появиться на людях вместе. Вы же писатель, в конце концов. Мы люди одного социального круга.

Что бы это ни значило, думает Билли.

– Я не о себе думаю, а о вас. У людей возникнут вопросы. Потом. Да, конечно, вы можете сказать, что ничего не подозревали, но будет лучше, если вопросов не возникнет вовсе.

– Хорошо. У нас ведь все нормально, Билли?

– Я Дэйв. Пожалуйста, постарайтесь это запомнить и больше не ошибаться. Да, конечно, все нормально, а что? – Билли удивленно таращит глаза – фирменное выражение его «тупого я».

Сработало. На сей раз Хофф улыбается поприятней – хотя бы губы не облизывает.

– Дэйв, Дэйв отныне и навсегда! Больше не забуду. Вам точно ничего не нужно? Знаете, у меня же свой кинотеатр – «Кармайт-синема» в торговом центре «Саутгейт». Девять залов, а в следующем году и «Аймакс» будет. Если хотите, выдам вам пропуск...

– Было бы просто замечательно.

– Супер! Я сегодня же прине...

– Лучше пришлите по почте, ладно? Или сюда, или домой на Эвергрин-стрит. Адрес у вас есть?

– Да, да, конечно. Ваш агент мне его дал. Все главные картины, знаете ли, выходят летом.

Билли кивает – как будто ему и впрямь не терпится увидеть на большом экране, как актеры пыжятся в супергеройских костюмах.

– А еще, знаете, Дэйв, у меня есть эскорт-сервис. Очень милые девушки, умеют держать язык за зубами. Я буду рад...

– Лучше не надо. Тише воды, ниже травы, помните? – Он открывает дверь. Хофф не просто неосторожен, он прямо-таки напрашивается на неприятности.

– Ирв Дин вас не обижает?

Охранник на стойке внизу.

– Нет, что вы. Мы с ним иногда сравниваем лотерейные билеты.

Хофф смеется – слишком громко – и тут же вновь с опаской озирается по сторонам. Интересно, думает Билли, Кен Хофф уже загремел в списки недобросовестных плательщиков Колина Уайта и его коллег по КАЛу? Скорее всего нет. Те, кому задолжал Кен – а он задолжал по-крупному, Билли в этом не сомневается, – не звонят тебе по телефону. В какой-то момент они просто приходят, топят твою собаку в бассейне и ломают тебе пальцы на той руке, которой ты не выписываешь чеки.

– Хорошо. Это хорошо. А Стив Бродер вам как? – В ответ на непонимающий взгляд Билли: – Управляющий.

– В глаза его не видел, – говорит Билли. – Слушайте, Кен, спасибо, что заглянули. – Билли кладет руку ему на плечо, выводит его в коридор и разворачивает к лифтам.

– Да не за что. Все придет в лучшем виде, будьте спокойны.

– Не сомневаюсь.

Хофф уходит, но Билли не успевает даже выдохнуть, как тот уже идет обратно. В глазах – нескрываемое отчаяние.

– Слушайте, Билли, вы точно на меня не в обиде? – тихо говорит он. – Вы простите, если я чем-то вас задел или взбесил...

– Да все отлично, бросьте! – заверяет его Билли, а сам думает: этот парень рванет в любой момент. И когда это случится, пострадает не заказчик и не посредник – Ник Маджарян, – а я.

– Просто мне очень нужно это дело, поймите, – вкрадчиво продолжает Хофф. От него разит мятными пастилками «Сертс», перегаром и одеколоном «Крид». – Представьте, что я квотербек. Все, кому я могу передать мяч, закрыты, но тут – о чудо! – открывается возможность для паса, и я... понимаете, я...

Прямо посреди этой вымученной метафоры открывается дверь юридической фирмы. Выходит Джим Олбрайт. Он направляется в уборную. Увидев Билли, он приветственно под-

нимает руку, и Билли поднимает руку в ответ.

– Я понял, – успокаивает он Хоффа. – Все будет хорошо, вот увидите. – И, поскольку ничего лучше в голову ему не приходит, добавляет: – Тачдаун не за горами.

Хофф расплывается в улыбке.

– Мяч на ленточке! – восклицает он, потом хватает Билли за руку, трясет ее и по возможности бодрой походкой устремляется к лифтам.

Билли смотрит, как он заходит в лифт и уезжает. Может, сбежать прямо сейчас? Купить подержанную тачку на имя Далтона Смита и дать деру?

Впрочем, никуда он не сбежит. И оставшиеся полтора миллиона – только одна причина. А вот то, что дожидается его в кабинете/конференц-зале, – вторая. И она даже поважнее первой. Больше всего на свете Билли сейчас хочет не играть в «Монополию», не пить пиво с Доном Дженсенom, не переспать с Фил Стэнхоуп и не пристрелить Джоэла Аллена. Больше всего на свете Билли хочет писать. Он садится и включает ноутбук. Открывает нужный документ и проваливается в прошлое.

Глава 7

1

Я подошел и сказал себе, что мне наверное придется выстрелить еще раз. И я бы выстрелил. Он был мамин хахаль но он поступил плохо. С виду он был мертвый но я хотел убедиться и вот я поцеловал руку как следует и подношу к его рту и носу – хочу понять осталось ли в нем еще дыхание. Не осталось. Так я понял что он точно умер.

Я знал что делать дальше но сперва подошел к Кэсси. Я еще надеялся но она тоже умерла. Конечно умерла. С таким проломом в груди не живут. Но я все равно поцеловал руку и поднес к ее губам. В Кэсси дыхания тоже не осталось. Я обнял ее и заплакал вспоминая как говорила мама уходя в прачечную: приглядывай за сестрой. Только я не доглядел. Я должен был застрелить этого гада раньше, вот тогда бы я доглядел. И за мамой тоже доглядел бы, потому что гад иногда бил и ее. А она только смеялась над своими фингалами или разбитой губой и говорила: да мы просто устроили возню Бенджи вот мне и прилетело случайно. Так я ей и поверил. Даже Кэсси не верила а ей всего 9.

Я наплакался и пошел к телефону. Он работал. Он

не всегда работал но в тот день работал потому что за телефон было уплочено. Я набрал 911 и ответила какая-то тетенька.

Я сказал здрасьте меня зовут Бенджи Компсон и я убил мамино хахаль потому что он убил мою сестру. Тетька спросила точно ли он умер. Я сказал: да точно. Она спросила мой адрес. Я его назвал: трейлерный парк Хиллвью, Скайлайн-драйв, 19. Тетька спросила: твоя мама дома? Я сказал нет, она в прачечной Эдендейл, она там работает. Тетька спросила точно ли моя сестра умерла. Я сказал да, потому что он топтал ее сапогами и проломил ей грудь. Я сказал что посплюнул руку и проверил нет ли дыхания и его нет. Она сказала: хорошо сынок сиди дома полиция скоро приедет. Я сказал спасибо мэм.

Вы можете подумать что полиция уже приехала, ведь там был выстрел и все такое, но наш трейлерный парк на самом отшибе и народ вечно отстреливает всяких оленей, енотов и сурков у себя в саду. К тому же это Теннесси и местные любят пострелять. Хобби у них такое.

Тут я что-то услышал, как будто мамин хахаль встал и побежал на меня хотя он умер. Я знал что так не бывает но я сразу вспомнил кино на которое я тайком прошмыгнул в кинотеатр. И Кэсси с собой протащил. На самых ужасных местах она закрывала глаза а потом ей снились кошмары и я понял что поступил плохо. Не надо было брать ее с собой в кино. Не знаю зачем я ее взял. Мне иногда кажется что во всех людях есть что-

то плохое и оно иногда выходит наружу как кровь или гной. Если б можно было все переиграть я бы не повел ее на тот фильм. А маминого хахаля все равно застрелил бы. Он был плохой очень плохой человек, потому что убил такую маленькую безобидную девочку. Я все равно его убил бы, даже если меня потом отправили бы в исправительную школу.

Вобщем зомби бывают только в ужастиках. Мамин хахаль умер, я убил его насмерть. Я стал думать не накрыть ли Кэсси простынкой или одеялом но потом решил, нет. Это будет слишком грустно и ужасно. Поэтому я позвонил в круглосуточную прачечную, номер которой был прилеплен скотчем к стене рядом с телефоном. Тетя в трубке сказала: «Круглосуточная прачечная», и я сказал что меня зовут Бенджи Компсон и я хочу поговорить с моей мамой Арлин Компсон, она работает на отжиге. Она спросила срочное ли у меня дело. Я сказал: да мэм очень срочное. Она сказала что у них аврал и работать некому, что же это за дело такое срочное. Я подумал что она гадкая и нехорошо лезть в чужие дела, может просто потому что я был не в себе хотя врятли. Я сказал что моя сестра умерла. Это очень срочно. Она охнула: боже мой как же так? Я сказал: позовите пожалуйста мою маму. Потому что мне надоела эта гадкая тетка.

Я стал ждать. Потом трубку схватила моя мама и задыхаясь спросила: Бенджи что случилось? Надеюсь, ты меня не разыгрываешь? Я подумал что всем было бы лучше если б это был такой глупый розыгрыш но нет.

Я сказал что ее хахаль пришел пьяный со сломанной рукой и убил Кэсси и меня тоже пытался убить но я его застрелил. Я сказал что сейчас приедет полиция и уже слышно вой сирен поэтому приходи пожалуйста домой и не дай им забрать меня в тюрьму потому что это он виноват а не я.

Потом я сел на верхней ступеньке нашего трейлера. Только это были не ступеньки а просто цементные блоки из которых прошлый мамин хахаль сделал ступеньки. Прошлого звали Мильтон и он был неплохой. Я хотел чтобы он остался но он ушел. Не стал брать на себя ответственность за двух детей сказала мама. Как будто это мы виноваты. Как будто мы хотели чтобы она нас родила. Вобщем я пошел и сел на ступеньку потому что не хотел сидеть в трейлере рядом с мертвыми. Я все спрашивал себя неужели это правда неужели Кэсси умерла и говорил сам себе: да, это правда.

Приехали первые копы и я им рассказывал что случилось когда прибежала моя мать. Копы не хотели пускать ее внутрь но она все равно вошла и увидела Кэсси и закричала и застонала да так громко что мне пришлось заткнуть уши. Я был очень зол на нее. Я думал: а чего ты ждала? Он и раньше нас бил и тебя тоже бил, чего ты ждала? Рано или поздно плохие люди поступают плохо, даже дети это понимают.

К тому времени все наши соседи вышли на улицу и глазели. Один полицейский был добрый. Он посадил меня в полицейскую машину куда соседи не могли так

просто заглянуть и обнял меня. Еще он сказал что у него есть конфеты в бардачке и не хочу ли я конфету. Я ответил нет спасибо. Он сказал хорошо Бенджи, тогда просто расскажи мне что случилось. И я рассказал. Не знаю сколько раз я потом рассказывал эту историю но очень много раз. Вобщем я расплакался и коп снова меня обнял и назвал меня смелым мальчиком и сказал что зря моя мама связалась с этим уродом.

Пока я сидел в машине и рассказывал что случилось к нашему трейлеру подъехало еще несколько машин и фургон с надписью «КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ ПОЛИЦИИ МЭЙВИЛЛА». Один коп из фургона начал все фотографировать и я потом видел несколько его снимков на слушании. Только фотки трупов мне не показали. Уж не знаю почему в суде решили что мне нельзя смотреть на фотки трупов я ведь уже видел их своими глазами. Вобщем я это к чему, одну из фотографий потом напечатали в газете: рассыпанное по полу обугленное печенье. А ниже заголовок: ЕЕ УБИЛИ ИЗ-ЗА ПЕЧЕНЬЯ. Я его запомнил навсегда потому что это ужасно и это правда.

Мне пришлось идти в суд. Вместо судьи за столом сидели три человека, два дядьки и одна тетка. Они были похожи на учителей и говорили как учителя. Больше в комнате никого не было, только они моя мама и полицейские которые тогда первыми подъехали к нашему трейлеру. На «место» как они говорили. Такого адвоката как в сериале закон и порядок по ТВ у нас не было да нам он был и не нужен. Тетка сказала мне

что я храбрый мальчик а маме чтобы мы обратились к психологу. Моя мама ответила что это хорошая идея но потом в машине возмущалась мол некоторые думают что деньги на деревьях растут.

Мы стали уходить и я думал все уже кончилось но потом один из дядек нас остановил. Минуточку миссис Компсон, сказал он. Я хочу вам кое-что сказать. Вы должны понимать что часть вины лежит и на ваших плечах. Потом он рассказал нам историю про то как скорпион упротил сердобольную лягушку перевезти его на спине через реку но на середине реки скорпион ужалил лягушку и та спросила, зачем ты это сделал, теперь мы оба утонем. Я жалю потому что такова моя природа. Ты ведь знала что я скорпион но все равно согласилась перевезти меня через реку.

И потом дядька сказал: миссис Компсон вы подобрали скорпиона и он ужалил вашу дочку. Вы и сына могли потерять. Он выжил но теперь всю жизнь будет нести этот груз. Мой вам совет: если опять повстречаете скорпиона не подбайте его а давите как таракана.

Мама вся стала красная и сказала как вы смеете. Я никогда бы не стала рисковать жизнью своих детей если бы знала что такое может случиться. Он сказал, мы не лишили вас родительских прав только потому что не можем доказать обратное. Но я буду очень удивлен, если до сих пор вы ни разу не сталкивались с проявлениями жестокой натуры мистера Рассела.

Мать заплакала и мне тоже захотелось. Она сказала

вам легко говорить вы-то в белом. Когда вы последний раз пахали двое суток подряд чтобы просто купить детям еды? Он сказал: речь сейчас не обо мне миссис Компсон. Вы потеряли одного ребенка по собственной неосмотрительности, не потеряйте и второго. Слушание окончено.

В один из дней этого лета – лета множества личностей – Билли перечитывает историю о смерти Боба Месса и последовавшего за этой смертью судебного слушания. Затем подходит к окну и видит, что к суду подъехала машина шерифа. Из нее выходят два копа в коричневой форме и ждут, когда с заднего сиденья выберется арестант. Он тощий и оборванный, в джинсах-карго с провисшим задом и ярко-фиолетовой толстовке – слишком теплой для такой жары – с логотипом футбольной команды «Арканзас рейзорбэкс». Даже с пятисот ярдов видно, что это не уголовник, а безобидное унылое чмо. Копы с двух сторон берут его под руки и ведут по широким ступеням вверх, навстречу правосудию. Именно такой выстрел Билли должен будет сделать, когда (и *если*) придет время, но в данный момент он почти ничего не видит. Он обдумывает свою историю.

Изначально он собирался просто рассказать ее от имени «тупого я», но история превратилась в нечто большее. Он понял это только сейчас, прочитав ее на свежую голову. «Тупое я» никуда не делось, любой (Ник и Джорджо, например) скажет, что автор туповат и читает в основном журналы «Стар», «Инсайд выю» и веселые картинки про Арчи. Но не все так просто. Это голос его «детского я». Прежде Билли никогда не приходило в голову писать этим голосом; его

будто гипнозом закинули обратно в детство. Может, в этом и есть суть творчества, когда ты пишешь о чем-то важном.

А так ли оно важно? Ведь его историю прочтут только он сам да пара вегасских бандюганов, которые, вероятно, давно потеряли интерес к его писанине.

– Да, важно, – говорит Билли окну. – Важно, потому что это – мое.

И потому что это чистая правда. Он чуть изменил имена – Кэти стала Кэсси, маму звали не Арлин, а Дарлин, – но в остальном все так и было. Маленький Билли рассказывает правду. Ему никогда еще не давали права голоса, даже на том слушании. Он отвечал на вопросы опеки, но никто не спросил, каково ему было обнимать Кэти с проломленной грудью. Никто не спросил, каково это – когда тебе велели *приглядывать за сестрой* и ты провалил самое важное задание на свете. Никто не спросил, каково держать мокрые пальцы у губ и носа мертвой сестры и все равно надеяться, хотя никакой надежды нет. Никто не узнал, что отдача пистолета вызвала у него отрыжку, будто он слишком быстро проглотил стакан лимонада. Даже обнявший его коп не задавал ему подобных вопросов, и какое же облегчение – наконец-то дать этому голосу волю!

Он возвращается к открытому «макбуку» и садится. Смотрит на экран. Думает: когда доберусь до рассказа про дом Степенеков – назову его «дом Спеков», – голос может стать чуть взрослее. Ведь я и сам немного повзрослел.

Билли начинает печатать, поначалу медленно, потом все быстрее. А вокруг – по-прежнему лето.

После слушания мы с мамой поехали домой. Похоронили Кэсси. Не знаю кто похоронил хахалю и мне плевать. Осенью я вернулся в школу, и некоторые дети меня дразнили называли «Бенджи Пиф-Паф» и я остался на второй год. Не потому что дрался, а потому что часто прогуливал и мама сказала пора мне поумнеть если я не хочу загреметь в сиротский приют. Я не хотел и в следующем году учился более-менее. Так что я был не виноват что меня отправили в дом Спеков, в этом была виновата моя мама.

После смерти Кэсси она начала пить, обычно пила дома но иногда ходила по барам и приводила с собой мужиков. По мне так все они были похожи на плохого хахалю. Козлы вообще. Не знаю почему мать снова и снова выбирала себе таких мужиков после того что случилось с Кэсси. Она была как собака которая блюет и потом съедает свою же блевотину. Знаю как это звучит, но нет, я не возьму свои слова обратно.

С теми мужиками (их было минимум трое может пятеро) она шла к себе в спальню и говорила что они там возятся но к тому времени я уже знал что они трахаются. Однажды вечером она пила дома и решила сгонять в «7-11» за коробкой «Чизитс» и на обратном пути ее остановили. Арестовали за вождение в нетрезвом виде и посадили на сутки. В тот раз ее

тоже не лишили родительских прав, зато водительские отобрали на полгода и в прачечную она стала ездить на автобусе.

Через неделю после того как ей вернули права полиция опять остановила ее за вождение в нетрезвом виде. Снова было слушание, на сей раз про меня, и представьте себе за столом сидел тот же дядька который рассказывал нам историю про скорпиона и лягушку, а с ним еще двое но уже других. Он сказал опять вы. Мама сказала да опять я и вы знаете что я потеряла дочь. Знаете что мне пришлось пережить. Дядька сказал да знаю и вижу что вы не усвоили урок миссис Компсон. Мама сказала вам никогда меня не понять. На сей раз она пришла с адвокатом, но он почти все время молчал. Потом она устроила ему взбучку и спросила за что она платит ему деньги. Адвокат сказал миссис Компсон я не знаю, как вас защищать. Она сказала вы уволены. Он сказал вы не можете меня уволить потому что я ухожу сам.

Когда через день мы вернулись в суд нам объявили что меня устроят на патронатное воспитание в чужой дом – дом Спеков – потому что моя мать не может справляться с родительскими обязанностями. Она сказала вы скоты и сволочи и я доведу это дело до верховного суда. Дядька который рассказывал про лягушку и скорпиона спросил употребляет ли она спиртное. Мама ответила поцелуй меня в зад, жирный урод. Он не стал отвечать ей тем же, но сказал у вас есть 24 часа чтобы собрать вещи Бенджи миссис Компсон

и попрощаться с сыном. Ему будет легче, если хотя бы сегодня вы не будете пить. Потом этот дядька и еще двое ушли.

Мы сели в автобус и поехали домой. Мама сказала мы с тобой убежим Бенджи. Мы уедем в другой город и поменяем имена. Начнем жизнь сначала. Но наутро мы никуда не уехали и это был мой последний день в трейлерном парке «Хиллвью», последний день с мамой. Приехал коп из полиции округа чтобы отвезти меня в дом Спеков. Я надеялся что это будет тот же коп который обнимал меня, но это был не он. Хотя помощник шерифа Малкин тоже оказался неплохой.

Вобщем на трезвую голову мама решила не артачиться. Она сказала копу что не собрала мои вещи потому что не верила что это действительно произойдет. Дайте мне 15 минут. Коп сказал хорошо и ждал на улице пока она набивала баул моей одеждой. Потом она сделала мне два сэндвича с арахисовым маслом и джемом и положила их в пакет для обедов и велела мне быть хорошим мальчиком. Потом она заплакала и я тоже. Это она была виновата что я уезжаю во всем была виновата она – не надо было подбирать скорпиона и бухать и оправдываться смертью Кэсси – но я все равно плакал потому что любил ее.

Когда мы вышли на улицу, коп сказал что мне наверняка разрешат позвонить ей из дома Спеков в Эвансвилле. Мама велела позвонить соседке миссис Тиллитсон и объяснила копу что наш телефон пока не работает. Значит, она опять за него не заплатила.

Помощник Малкин сказал отличный план и велел мне обнять маму на прощанье. Я обнял. И понюхал ее волосы, потому что они всегда хорошо пахли. До Эвансвилла мы ехали часа два. Я сидел впереди. Сразу за передними сиденьями была решетка, которая превращала заднюю часть салона в клетку. Коп сказал если я не буду попадать в переделки то никогда не поеду сзади. Он спросил: ты же не будешь попадать в переделки? Я ответил нет а сам подумал: когда копы vezут тебя в приют – это уже переделка.

Я съел 1 из сэндвичей с арахисовым маслом и джемом и увидел что мама положила в пакет фаршированное яйцо и снова заплакал – представил мамины руки, когда она это делала. Полицейский погладил меня по плечу и сказал, все образуется, сынок. У него на груди была бирка с именем «Ф.У.С. Малкин». Я спросил что такое Ф.У.С., подумал что это какое-то звание. Он сказал что это его имя, что зовут его Франклин Уинфилд Скотт Малкин, но ты можешь называть меня Фрэнк, Бенджи.

Тогда я не плакал но он наверное увидел что мне грустно и немного страшно, потому что опять погладил меня по плечу и сказал все будет хорошо, Бенджи. Там полно хороших ребят. Они все ладят между собой и ты с ними тоже поладишь если будешь хорошо себя вести. Я знаю все патронатные семьи в округе и поверь мне Спеки не самые плохие. Не лучшие, но никаких проблем с ними никогда не было. А я такого насмотрелся на своем веку. Будь паинькой, не

выделяйся и все будет хорошо.

Я сказал что скучаю по маме. Он сказал конечно скучаешь. Вот она одумается вернется на землю и опека назначит новое слушание и тебя вернут домой. А пока она может приезжать к тебе в среду вечером и в любое время по субботам и воскресеньям, до 7 вечера. Скажи ей об этом, когда позвонишь.

Только вот моя мама на землю так и не вернулась. Она продолжала бухать и завела себе хахалю который посадил ее на мет. А когда ты употребляешь мет, очень сложно вернуться на землю – потому что ты все время улетаешь. Поначалу мама довольно часто меня навещала, потом стала навещать реже, потом совсем редко и в конце концов исчезла. Когда я видел ее в последний раз, она была без зубов и с грязной головой. Она сказала мне так стыдно что я таком виде. Я сказал мне тоже стыдно. Я сказал: видок у тебя просто жуть. К тому времени я стал подростком, а подросток, когда ему больно, скажет что угодно, лишь бы причинить боль.

Дом Спеков находился в сельской местности. Хлипкий но огромный, куча комнат, 3 этажа. А то и 4. Снаружи он выглядел неплохо, но внутри прямо рассыпался. Отовсюду текло и дуло, особенно зимой. Дубак был адский. Все равно что дрючить шлюху в холодильнике, говорила Ронни. Но сначала я не понял что дом старый и хлипкий, снаружи он выглядел как новенький – ярко-красный с голубой каемочкой. Вскоре я узнал, что приемные дети Спеков перекрашивали его каждый год, получая за работу по два бакса в час.

На моей памяти он был сперва красный с голубым, потом зеленый с белым, потом желтый с зеленым. Теперь поняли, почему мы с Ронни прозвали его Домом Вечной Краски? В тот год когда я подался в морпехи он снова стал красным с голубым. Ронни говорила эта развалюха только на краске и держится, Бенджи. Это была шутка, она вообще была шутница, но ведь дом действительно разваливался на части. Наверное в каждой шутке есть доля правды и именно это делает шутку смешной.

Помощник шерифа Ф.У.С. Малкин сказал, что Спекы – не лучшие, но и не худшие, и это тоже оказалось правдой. Я прожил у них 5 лет, а потом записался в морпехи, и за все это время миссис Спек ни разу меня не ударила, разве что пару раз хлестнула тряпкой или полотенцем по лицу, и она никогда не была малышкой вроде Пегги Пай (шестилетка, которой один глаз выжгли сигаретой). К тому же миссис Спек хлестала меня только за дело. Другим детям тоже доставалось очень редко, буквально пару раз. Однажды Джимми Дайкман разбил зимнюю оконную раму, кинув в нее камень. А в другой раз Сара Пибоди танцевала вокруг Пегги и пела: «Пегги Пай, Пегги Пай, ты взгляни скорей на нас! Пегги Пай, Пегги Пай кто-то вышиб левый глаз!» Миссис Спек это увидела и тут же вlepила ей пощечину. Сара была злая. Плохая. Как-то я спросил ее, кем она хочет стать, когда вырастет, и она ответила: Я стану девочкой по вызову чтобы со знаменитостями чпокаться и трясти с них деньги. Потом она засмеялась

типа это шутка. Может правда пошутила.

Спеки были самые обычные люди, не плохие и не хорошие. Жили на деньги, которые получали от государства. Проходили все нужные проверки. Мы ездили в школу на автобусе, всегда чисто и опрятно одетые. Когда я решил пойти в морпехи, мистер Спек даже поехал со мной в суд, чтобы меня окончательно вывели из-под опеки матери, а законным опекуном сделали его. Тогда он мог подписать нужные бумаги, чтобы я стал морпехом в 17, а не ждал до 18. Я думал может моя мама все-таки появится в суде, но она не появилась. Да и откуда ей было знать, что будет суд? Я мог ей сообщить да только она давно уехала из трейлерного парка и из той квартиры где какое-то время жила с хахалем, подсадившим ее на мет. После двух слушаний мистер Спек сказал: Да поможет тебе Бог, Бенджи, ведь теперь ты сам по себе и можешь делать, что хочешь. Я ответил что не верю в Бога, а он сказал мол еще поверишь, всему свое время.

Какой урок я усвоил в Доме Вековечной Краски? Люди делятся не на две категории – плохие и хорошие, – так я думал в детстве, когда получал большую часть знаний о мире и людях из телевизора. На самом деле категорий три. Третья – это люди, которые не выделяются (помните совет Ф.У.С. Малкина?). Так вот почти все люди на свете именно такие и я их называю серыми. Они тебя не обижают (по крайней мере нарочно) но и помогать тебе не хотят. Они говорят делай что хочешь и да поможет тебе Бог.

Думаю в этом мире надо помогать себе самому.

Когда я приехал в Дом Вековечной Краски, там жили 14 детей включая меня. Ронни сказала это хорошо, потому что 13 несчастливое число. Самая младшая была Пегги Пай которая до сих пор иногда мочила штанишки. Еще были близнецы Тимми и Томми, тоже лет 6 или 7. Самому старшему парню – Глену Даттону – было 17 и он ушел в армию вскоре после моего приезда. Только ему не пришлось просить мистера Спеку стать его законным опекуном и подписать бумаги, потому что это сделала его мать, потому что Глен пообещал высылать ей часть довольствия. Глен сказал нам с Ронни что эта сучара готова хоть в рабство его сбегать, если ей посулят за это денег. Глен был здоровяк и мастер ругаться, даже круче чем Ронни (а она ругалась так, что стены краснели), но младших никогда не обижал. И кистью махал будь здоров, всегда красил на самой верхотуре.

Когда помощник шерифа Малкин подъехал на своей машине к дому, я чуть не ослеп от того, что увидел по соседству. Там была свалка битых машин. Огромная, насколько хватает глаз. Сотни машин. Ими был завален весь склон холма с нашей стороны, а потом я узнал, что и с другой стороны тоже. Чем дальше – тем старше и ржавее были драндулеты. Солнце отражалось от лобовух тех машин, у которых еще были лобовухи. Примерно в половине км от дома Спеков стоял зеленый магазин автозапчастей сколоченный из профлиста. Внутри кто-то работал ниматическими дрелями и

отвертками. Спереди висела вывеска «ЗАПЧАСТИ СПЕКА. МЕЛКИЙ РЕМОНТ. ВЫГОДНЫЕ ЦЕНЫ».

Помощник шерифа Малкин сказал что этот магазинчик принадлежит брату Спекса, ну и халупа, правда? Он стоит прямо за границей округа поэтому власти ничего не могут ему предъявить. А дом Спексов стоит у границы, вот почему ему пришлось обнести все рабицей. Я тебе это объясняю чтоб ты не думал будто ты в тюрьме. Автомобильное кладбище – опасное место, Бенджи. Оно не просто так под запретом. Даже не думай туда ходить, ясно? Я сказал хорошо, но конечно мы туда ходили. Я, Глен, Ронни и Донни. После отъезда Глена – я и Ронни, иногда Донни. А потом Ронни сбежала, и я стал ходить один. Иногда я гадаю куда ее в итоге занесло. Надеюсь у нее все хорошо. Без нее мне грустно. Может поэтому я и подался служить, но если честно я так и так это сделал бы.

За 5 лет, что я был подопечным Спексов, я 3 раза видел как дом меняет окраску. Были и другие события которые мне запомнились, например когда меня отстранили от занятий за драку. 2 мальчишки опять называли меня Бенджи Пиф-Паф, они и раньше так делали но тут прямо до белого каления меня довели. Они были старше и сильнее, но я не убежал даже когда один из них поставил мне фингал а второй чуть нос не разбил. Этого второго я потом проучил. Звали его Джаред Кляйн, и однажды я спустил ему штаны так что все увидели его трусы с пятнами мочи. Потом его еще долго дразнили – и поделом.

Еще я запомнил, как Пегги Пай увезли в больницу с воспалением легких. А через неделю или 10 дней миссис Спек собрала нас всех в гостиной молиться потому что Пегги нас покинула. Теперь она с Иисусом в раю и снова видит обоими глазами. Донни Уигмор сказал: Надеюсь там и кормят получше. А миссис Спек велела ему не умничать, давно по шее не получал? Вобщем мы помолились за душу Пегги а Ронни пришлось закрыть рукой рот чтобы не смеяться над словами Донни, но она и плакала тоже. Остальные дети тоже плакали потому что Пегги у всех была «любимкой». Я не плакал но мне было грустно. Потом когда мы с Ронни, Гленом и Донни ушли тусоваться на Демо Дерби²⁰, Ронни поплакала еще. Глен обнял ее и Ронни сказала Пег была такая славная, правда? И Глен сказал да просто чудо.

Потом она обняла меня, а я обнял ее и получилось что из-за смерти Пегги все-таки случилось что-то хорошее, потому что я был влюблен в Ронни Гивенс. Я знал что ничего у нас не выйдет потому что она на 2 года старше и влюбляется во взрослых ребят вроде Глена, но я не мог просто выключить чувства. Чувства они как дыхание: входят и выходят.

Демо Дерби – так мы называли автосвалку за Домом Вековечной Краски и рядом с «Запчастями Спека». Это было наше особенное место. Нам запрещали туда

²⁰ «Демо Дерби» – развлекательные «гонки на выживание», где водители намеренно врезаются друг в друга с целью как можно сильнее разбить машину соперника.

ходить и это делало его еще более особенным. Ронни сказала это как Запретный плод с дерева в райском саду, который Еве нельзя было есть. Глен обвел руками бесконечные ряды битых машин с лобовухами, которые превращали одно солнце в сотни солнц, и заявил да у нас тут свой собственный гребаный сад. И Ронни засмеялась.

Когда мы туда ходили мы выискивали машины получше типа Кадиллаков, Линкольнов и Бумеров, или как-то раз нашли старинный лимузин Мерседес которому начисто снесло весь зад. Глен всегда таскал с собой швабру и молотил ей по сиденьям, а потом уж мы залезали в салон. Мышей отпугивал. Один раз мы спугнули огромную жирную крысу. С нами был Донни и он закричал: Гляньте мистер Спек побежал! И мы все заржали как кони. Вобщем мы садились в тачку и притворялись что она целая и мы все кудато едем.

Попасть на Демо Дерби было легко, потому что в дальнем углу детской площадки в сетке-рабице была дыра и однажды Глен сказал кто знает сколько малолетних ушлепков лазило в эту дыру и что из них потом вышло. Тут все мы заржали, но Ронни сказала: врятли что-то путевое. Донни опять посмеялся, а мы с Гленом нет. Я посмотрел на него, он посмотрел на меня и мы оба подумали что мы тоже врятли путевые.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.